

МИРАНДА
ДИКИНСОН

Лугишк
надежды

Миранда Дикинсон

Лучик надежды

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2016

УДК 821.111

Дикинсон М.

Лучик надежды / М. Дикинсон — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

Мэтти переживает не лучшие времена: недавно умер дедушка, изменил любимый мужчина... Чтобы как-то отвлечься и сменить обстановку, Мэтти посещает дом престарелых. Там она знакомится со все еще элегантной и интересной певицей по имени Рэни Сильвер. Она была кумиром дедушки Мэтти, Джо... Рэни мечтает вновь выступить на сцене клуба «Пальмовая роща». Молодой и симпатичный совладелец клуба Гил предлагает свою помощь. Вместе они отправляются в путешествие. И за каким-то из неожиданных поворотов непременно окажется настоящая любовь...

УДК 821.111

© Дикинсон М., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Миранда Дикинсон	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	49
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Миранда Дикинсон Лучик надежды

© Miranda Dickinson, 2016

© DepositPhotos.com /irstone, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2018

* * *

Голова Миранды Дикинсон всю жизнь была полна историй. В юном возрасте она мечтала написать книгу, которая займет почетное место в библиотеке городка Кингсвинфорд. Сейчас Миранда Дикинсон является автором бестселлеров. Всерьез она начала писать, когда подруга подарила ей самый медленный в мире персональный компьютер. Постепенно на нем были написаны «Сказка Нью-Йорка», «Добро пожаловать в мой мир», «Все началось с поцелуя», «Когда я влюбилась», «Посмотри на меня сейчас», «Я покорю Нью-Йорк» и «Посылка для Анны». Миранда живет со своим мужем Бобом и дочерью Фло в Дадли.

@wurdsmyth

MirandaDickinsonAuthor

www.mirandadickinson.com

*Для Джо, которая не просто чудесная свекровь, а куда больше.
Спасибо за дружбу.*

*Ты любишь меня,
И день впереди,
Лишившись тоски,
Улыбнулся.*

*Ты – радость моя,
Ты – счастье мое,
Даруешь мечты
Вдохновенье.*

На крыльях любви

*Я вдаль полечу,
Любовь ведь дарует
Свободу.*

Ты любишь меня (1954) Ансамбль «Серебряная пятерка»

Глава 1

Фэтс Домино¹

«Разве это не позор?»

В церкви было темно и прохладно. Холод, казалось, сочился из каждого кирпича, из каждой церковной скамьи. Хотя за стенами царила теплая погода, внутри стоял ноябрьский холод. Почему на похоронах всегда холодно, даже тогда, когда светит солнце?

Матильда Белл окинула все вокруг беглым взглядом и плотнее укутала покрытые гусиной кожей руки в тонкую ткань шерстяной кофты. Было еще рано, но несколько членов семьи уже собрались. Приглушенная беседа и печальные выражения на лицах демонстрировали их единение в горе. Матильда ощутила себя еще более одинокой. Пока никто ее не заметил. Когда заметят, какой будет их реакция? Она не знала. Когда-то, до скандала, до этой глупой ошибки, она была его любимицей...

Стараясь держаться в тени, женщина спряталась за высокой каменной колонной, покрытой резьбой. Тем, кто сидит на первых скамьях, разглядеть ее будет непросто. Это была старая церковь, хранящая воспоминания и неразрывно связанная с историей ее семьи. Впрочем, важнее было то, что здесь любил молиться он. Ей казалось, что его имя выбито на стенах этого здания. Это знакомое с детства местечко всегда было теплым, но сегодня, когда образ деда уменьшился до имени, произносимого скорбящими приглушенным шепотом и напечатанного на программе богослужения, тут казалось холоднее, чем в могиле. Охваченная грустью, Мэтти вздохнула, вполне серьезно ожидая, что ее дыхание закружится паром.

«Я останусь до того момента, как допоят последний гимн, – подумала она. – Я ускользну прежде, чем меня увидят».

Матильда могла бы вообще не прийти, если бы сестра не позвонила ей на прошлой неделе и не сообщила о том, когда состоятся похороны. Хотя никто из членов семьи ни в чем ее не упрекал, Матильда знала, что большинство из них о ней думают: она разбила старику сердце и ускорила его конец. Все это было чушью, конечно. В результате посмертного вскрытия была обнаружена злокачественная опухоль, которая поразила его хребет в области поясницы и с пугающей быстротой распространила свои метастазы на печень. Но в глубине души Матильда понимала, что чудовищная ссора между ней и дедушкой Джо не могла не ускорить его конец. Женщина винила себя не только за ссору, разрушившую отношения, которые она прежде считала нерушимыми, но и за то, что не смогла понять, что дед абсолютно во всем прав. Если бы она хотя бы на секунду забыла о своем упрямстве и уязвленной гордости, то смогла бы еще тогда все понять. Но Матильда Белл думала, что знает лучше, она всегда так считала, и теперь потеряла все, что прежде любила.

А в церковь все прибывали новые и новые прихожане – не только замечательные и добропорядочные, но и вызывающие кое-какие сомнения жители Кингс-Санбери. Дедушка Джо любил их всех, а они обожали его. Каждый новый пришедший занимал место перед Мэтти, тем самым закрывая и оттесняя женщину от покойного. Голос в голове укорял ее, напоминая, что все эти люди не подвели старика при жизни. *Они* не пренебрегали дедушкой Джо...

Но время для *«если бы»* навсегда осталось в прошлом.

¹ Фэтс Домино (род. 1928) – афроамериканский пианист и вокалист, один из родоначальников рок-н-ролла. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

– Мэтти! Я так и подумал! Почему ты сидишь тут одна? Вся семья сидит впереди.

Матильда тупо уставилась на своего двоюродного брата Джека, который бочком продвигался по узкому проходу между двумя рядами скамеек к тому месту, где она сидела.

– Привет. Мне и здесь неплохо.

Кузен, всегда отличавшийся радужным оптимизмом, явно не собирался принимать всерьез ее отговорки.

– Чепуха! Твое место – среди нас. Не важно, что было в прошлом.

Увидев выражение ее лица, Джек присел рядом.

– Они меня во всем винят, – сказала Матильда.

Горькие слезы щипали ей глаза.

– Не винят.

– Я виню.

– Матильда! Все в прошлом. Что сделано, то сделано. Они от тебя не отвернутся, что бы ты там себе ни воображала.

– Я разбила дедушке сердце...

– Он умер из-за рака, а не из-за разбитого сердца. В этом плане ты не лучше своей мамы. Она тоже все болезни мира приписывает собственным просчетам. Открою тебе секрет: ты не настолько могущественна, Матильда Белл.

Теплая рука двоюродного брата накрыла ее руку. Он улыбнулся.

– Пошли со мной вперед. В этот день вся семья должна быть вместе. Мы все о нем скорбим.

Ей ужасно хотелось верить Джеку, верить в то, что общее горе позволит забыть о разногласиях, возникших в семействе Белл, однако чувствам не прикажешь. Матильда догадывалась, что в глубине души они считают, что, поругавшись с дедушкой, она порвала со всеми ими. Ее подруги завидовали близости, царящей в их семье, но теперь Мэтти в полной мере ощутила: ссора привела к разрыву и восстановить прежние отношения будет куда как непросто – такова обратная сторона медали.

– Нет, мне здесь на самом деле как-то спокойнее.

– В таком случае я посижу с тобой.

– Нет, Джек, не стоит.

– Я знаю, что не стоит, но сегодня я не оставляю тебя одну. Как бы не так! Поэтому перестань пререкаться и обними меня.

Мэтти импонировало упрямство Джека. Этим двоюродный брат напоминал ей дедушку Джо, вот только Джек никогда не выдвигал ей ультиматумы относительно ее личной жизни. Хуже всего было то, что сегодня она не могла объяснить семье истинную причину, которая разбила ей сердце.

– Не плачь, Мэтти. Ты меня расстраиваешь.

Джек пожал ей руку и, выудив из небольшой целлофановой упаковки влажную салфетку, протянул кузине.

– Извини.

Она чихнула. Промозглый холод церкви уже успел пронять ее до костей. Впрочем, не только она оплакивала смерть дедушки Джо.

Церковный староста, стоявший в алтарной части, подал знак хмурому викарию, и тот направился к аналою.

– Доброе утро. Будьте добры, встаньте.

Колени Мэтти подогнулись, и Джек придержал ее под локоть, когда зазвучала мелодия «Ты любишь меня», эхом разнесшаяся в пустоте древних каменных стен. Это была любимая песня деда в исполнении «Серебряной пятерки». В пятидесятые эта группа пользовалась определенным успехом. Мэтти знала эту песню не хуже, чем звучание собственного голоса.

Музыка нагнала в здание воспоминаний, пока похоронная процессия медленно двигалась по центральному проходу. Мэтти видела, что утрата прочертила уродливые морщины на лбу отца, несущего гроб. Рядом с ним шел зять Фред, а сзади – два дяди по отцовской линии, Рубен и Сит. Разве сейчас не принято катить гроб на этих специальных тележках? На Мэтти произвело сильнейшее впечатление то, как любимые и родные вносят на своих плечах тело бабушки Джо в святую обитель. Если бы обстоятельства сложились иначе, она бы шла вместе с ними...

Матильда оторвала взгляд от дубового гроба и посмотрела в глубь церкви, желая увидеть маму, но ее заслоняли другие люди. Взгляд женщины остановился на старшей сестре Джоанне, которая вела за руку дочь и сына, пока ее обожаемый муж Фред помогал нести гроб. Мэтти заметила, как напряжены плечи сестры. Она наверняка, как и сама Матильда, едва сдерживается, чтобы не разрыдаться. Нет, Джоанна ни за что не проявит слабость при посторонних. Наоборот, другие всегда обращаются к ней за поддержкой. Ее хладнокровие и сдержанность известны всей семье. Мэтти гордилась Джоанной, но сейчас видела, что нервы сестры на пределе. Словно почувствовав, что на нее смотрят, Джоанна слегка повернула голову и едва заметно улыбнулась Мэтти, глядя вдоль ряда церковных скамеек. Мэтти кивнула ей в ответ. Достаточно знать, что Джоанне не все равно. Они поговорят позже, но сейчас их маме необходимо присутствие старшей дочери. Оно успокаивает.

Преподобный Филипп Каудвелл выступил вперед навстречу похоронной процессии. На нем лица не было. Сколько Мэтти себя помнила, Фил был не только местным викарием, но и почти членом их семьи. Семейство Белл часто посещало церковь Святого Лоуренса – по случаю крестин и конфирмации, ежегодных праздников в воскресной школе, Рождества и Пасхи. Здесь венчались Фред и Джоанна. Когда-то Мэтти мечтала о том, что тут же пройдет ее венчание. Для бабушки церковь стала вторым домом. С самого детства он принимал участие в сборе пожертвований. К преподобному Филу бабушка относилась чуть ли не как к родному сыну.

Сегодня в стенах церкви Святого Лоуренса собралось немало людей. Их лица были печальны. Всех их объединяла любовь к бабушке Джо. Здесь, в холодной церкви, они оплакивали его уход из жизни, но Мэтти, находясь среди них, чувствовала себя узницей. В отличие от нее они могли открыто выразить свое горе.

Мрачные пассажи из Библии, казалось, пролетали над головой Мэтти, никак ее не касаясь, и женщина, шепча себе под нос церковные гимны, не сразу заметила, как холод, сковавший ей спину, немного отступил: двоюродный брат накинул ей на плечи свой пиджак.

– Ты сильно дрожала, – шепотом произнес он. – Теперь теплее?

Мэтти кивнула. От переполнявших ее чувств у нее перехватило дыхание.

Траурная речь преподобного Фила была теплее одежд Мэтти. Каждое тщательно подобранное им слово шло из глубины сердца. Окажись в церкви посторонний, ему сразу же стало бы ясно, что викарий не только знал бабушку Джо, но и по-настоящему любил его. Мэтти видела, как плечи матери слегка подрагивают. Она то и дело кивала, когда преподобный Фил пересказывал грустные и милые эпизоды из жизни покойного, говорил о человеке, чья любовь к родным и друзьям не знала никаких границ.

«За исключением меня, – подумала Мэтти. – В моем случае пределы его любви были вполне конкретными».

Она держалась на расстоянии, пока семья двигалась наружу, туда, где было куда теплее, чтобы предать бабушку Джо земле. Преподобный Фил спросил, хочет ли кто-нибудь из близких покойного сказать несколько слов на могиле. Пожелали ее папа, дядя Рубен и дядя Сит. Их слова заглушались всхлипываниями. Мэтти хотелось бы протиснуться между обступившими могилу родственниками, заявить о своей любви к бабушке, извиниться, что не послушалась его, пусть даже уже поздно и бабушка не услышит ее слов. Но ведь никто не

захочет ее слушать... Или захочет? Что бы ни говорил Джек, Мэтти знала, что ее мама и дяди в глубине души винят ее в скоропостижной кончине дедушки Джо. Вслух никто ничего не сказал, но мамины колкие замечания насчет того, что было бы, если бы они смогли помочь ее любимому свекру бороться с болезнью должным образом, были не менее суровыми, чем прямые обвинения.

Наконец, когда семья ушла, а вслед за другими поспешил и Джек, Мэтти подошла к открытой могиле, украшенной по краям цветами, и заглянула в нее. В темной дыре лежал слегка присыпанный землей дубовый гроб.

– Извини, – прошептала она.

Боль и сожаление сделали ее голос очень слабым. По щекам катились слезы.

– Извини, что я не успела попрощаться. Теперь я понимаю, что ты был прав.

Женщина перевела дыхание. Воздух пах нагретой солнцем травой и влажной землей.

– Если бы я могла чем-то загладить свою вину, то обязательно загладила бы. Я бы все ради тебя сделала...

Воздух вокруг нее вдруг замер. Умолкли даже птицы, сидящие на ветвях кедров, растущих по границе кладбища при церкви Святого Лоуренса. Медленно опустившись на колени у края могилы, Мэтти посмотрела на латунную табличку, чуть присыпанную комьями земли. Кончилась определенная эпоха в ее жизни. Интересно, а душевная боль теперь останется с ней навсегда? Женщина покачала головой.

– Нет, я найду способ все исправить, дедушка. Обещаю...

Покидая кладбище, Матильда увидела знакомую фигуру, направляющуюся к ней по сочной траве между могильными камнями.

– Мэтти! Я боялся, что ты уйдешь прежде. Как ты?

Викарий улыбался, хотя и сам видел состояние, в котором пребывала женщина.

Мэтти, почувствовав большую признательность, ответила:

– Не особо, Фил.

Преподобный Фил протянул ей руку.

– Понимаю. Он был хорошим человеком. Его все любили. Конечно, он не был идеален во всем. Мы с тобой знаем об этом... – Викарий протестующе поднял руку, мешая Матильде вступить за деда. – Твоя семья тоже. Сейчас они расстроены и могут сказать или сделать нечто такое, о чем впоследствии пожалеют. Джо любил тебя и продолжал любить, хотя и был упрям как осел.

Он намеренно использовал выражение, каких викарии вообще-то избегают, чем вызвал у Мэтти невольную улыбку.

– Спасибо, Фил.

– Пошли ко мне в дом. Ванесса сейчас накрывает стол для поминок. На нейтральной территории тебе будет спокойнее.

– Не уверена...

Матильду сильно тянуло поскорее укрыться в безопасном уединении собственного дома.

– Я не прошу, а настаиваю, Мэтти. Я викарий. Учитывая, кто мой босс, тебе лучше не пытаться спорить.

Пока викарий вел ее к своему дому при церкви, мысли Мэтти вернулись к обещанию, которое она дала у могилы. Она не знала, как ей добиться этого, но в груди ее пылала твердая уверенность в том, что ей все-таки удастся все исправить...

Глава 2

Дин Мартин²

«Воспоминания состоят из этого»

– Ух ты! Я уже лет сорок такого не видывал!

Бородач улыбнулся, когда Мэтти вручила ему старый радиоприемник «Бакелит», до этого стоявший на полке позади прилавка. Воссоединять людей со своим прошлым было одним из плюсов в ее работе. Каждый день Матильде доводилось выслушивать очередные рассказы из жизни ее покупателей. Она гордилась тем, что ей доверяли. Сегодняшний день исключением не был.

Перси Уокер стал постоянным покупателем в «Белл Бибопе»³, маленьком магазинчике старинных вещей, которым Мэтти владела уже два года. Он недавно приехал в городок после многих лет, проведенных за границей, и теперь, судя по всему, обставлял свой домишко, расположенный на окраине Кингс-Санбери, исключительно вещами, купленными у Мэтти. Загорелый старик семидесяти одного года радовался, переживая свою молодость посредством приобретенных им вещей.

– Я в первый раз услышал по нему Литла Ричарда⁴, – улыбнулся он, и его взгляд устремился в давно минувшее, – в маминой гостиной, когда она была у тети Эльзы. Я настроил радио на волну радио Люксембурга. С этого началась моя влюбленность в рок-н-ролл. В те времена я был тедди-боем⁵. – Он погладил свою загорелую лысину. – От кока давным-давно ничего не осталось, но в то время у меня был знатный кок на голове. Сколько за радио?

– Восемьдесят, – ответила Мэтти, обдумывая, стоит ли сделать скидку очередному постоянному покупателю. – Если хотите, можете посмотреть в коробках с грампластинками. Для вас – бесплатно.

Заслышав это предложение, Перси очень обрадовался и поспешил к измазанным мелом упаковочным ящикам из-под чая, в которых были сложены граммофонные пластинки на 45 оборотов в минуту. Он принялся перебирать их, читая названия. У Мэтти сжалось сердце в груди при воспоминании, как она, будучи еще маленькой девочкой, делала то же самое с коллекцией пластинок дедушки Джо. Через него Матильда прониклась любовью к музыке пятидесятых и шестидесятых годов, полюбила Элвиса Пресли, Лонни Донеган⁶, Чака Берри⁷, Томми Стила⁸ и Конни Фрэнсис⁹. Если на то пошло, большая часть его коллекции стала

² Дино Пол Крочетти (1917–1995), более известный как Дин Мартин – американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения.

³ Стиль джазовой музыки.

⁴ Литл Ричард (род. 1932) – американский певец, пианист и композитор, который стоял у истоков рок-н-ролла.

⁵ Тедди-бои – молодежная субкультура, существовавшая в 1954–1958 гг. в Великобритании. Типичный облик тедди-боя включал брюки-«дудочки», сюртук с двойным воротником, галстук-бантик в стиле вестернов. Из музыки первоначально предпочтение отдавалось американскому блюзу, кантри и свингу, позже рок-н-роллу.

⁶ Лонни Донеган – британский музыкант, один из популярнейших исполнителей 50-х – начала 60-х.

⁷ Чак Берри – американский рок-музыкант, певец, гитарист, автор песен. Один из наиболее влиятельных ранних исполнителей рок-н-ролла.

⁸ Томми Стил (род. 1936) – британский певец и музыкант, рок-н-ролльщик. Считается первой в истории британской звездой рок-н-ролла.

⁹ Конни Фрэнсис – американская певица итальянского происхождения, согласно Allmusic – «прототип поп-певицы современного образца, до сих пор соперничающая с Мадонной за звание самой успешной поп-исполнительницы всех времен».

первым товаром в ее магазинчике еще до Ашера, до ссоры, до ошибки... Страхнув с себя боль, женщина решила сосредоточить все свое внимание на покупателе. Сегодня не тот день, чтобы задумываться о прошлом, пусть даже это прошлое определяет ее будущее.

– Не знаю, почему бы не продать магазин Перси и покончить со всем, – прошептала она своей помощнице Лори, когда вернулась к прилавку, сделанному из передней части светло-зеленого «Форда Тандерберда» 1955 года. – Мы заработаем целое состояние и уйдем на покой.

Лори улыбнулась.

– И лишимся всей радости, которую дарит этот магазинчик? Ни за что, Мэтти! Тебе самой нравится работать здесь. Это у тебя в крови.

Матильда могла бы поспорить с ней. С самого начала было совсем не просто раскрутить этот магазинчик на главной улице Кингс-Санбери. Несколько месяцев люди приходили в ее магазин словно в музей, только чтобы посмотреть экспозицию винтажных вещей. А потом, когда Мэтти стала заниматься делом через Интернет, покупатели вдруг начали приезжать к ней не только из соседних городков, но и издалека. Было еще слишком рано говорить о процветании магазина, однако продажи в последние месяцы неуклонно росли, а с появлением постоянных покупателей вроде Перси будущее казалось безоблачным. Даже сейчас, когда горький привкус от похорон не развеялся, магазин давал ей надежду на лучшие времена.

– Значит, кругосветного плавания не будет?

– Пока нет. – Лори подалась вперед и, перегнувшись через прилавок, так посмотрела на нее, что Мэтти поняла: ей предстоит разговор, который мчится на нее со стремительностью экспресса. – Как твоя семья вчера?

Чувствуя, как у нее все сжалось внутри, Мэтти пожала плечами.

– Как ты и предполагала. Папа замкнулся в себе. Мама на всех и все сердилась. Дедушка Джо был для нее не свекром, а почти отцом. Она просто опустошена. Я это ясно видела, но мама возвела вокруг себя стену, через которую я не смогла пробиться. В церкви мы даже словом не перекинулись, да и на поминках со мной немногие разговаривали. Разумеется, никакой враждебности или перебранок не было, это не наш стиль поведения, но я, признаться, была только рада, когда смогла уйти оттуда.

– А как твоя сестра?

– Очень переживает, но заботится о маме. Вчера вечером она позвонила мне, и мы обсудили все, что случилось после его смерти. Это было единственным светлым моментом за весь вчерашний день. – Ужасно тягостный день.

Лори сочувственно сморщилась и положила свою руку поверх руки Мэтти.

– Ну, что было, то было. Ты проводила его в последний путь. Теперь станет легче, я знаю, о чем говорю. А как на новом месте?

– До сих пор такое чувство, что я вломила в чужой дом.

– Со временем пройдет, – улыбнулась Лори. – К тому же никто не говорит, что так будет всегда.

– И то верно.

Мэтти вспомнила внезапный, ничем не мотивируемый переезд и удивленное лицо риелтора, когда она согласилась арендовать дом, даже не соизволив посмотреть на него. Мэтти с горечью подумала о причине, заставившей ее переехать, и вспомнила о предупреждении дедушки Джо. Он оказался совершенно прав, а у нее так и не получилось покаяться перед ним. С трудом сглотнув, Мэтти принялась вставлять в кассовый аппарат новую ленту, полагая, что откровенный разговор подошел к концу.

– Пройдет. Никогда не знаешь...

Но я должна была знать. Дедушка Джо ведь догадался...

– Я вижу, ты вновь надела ее. – Лори указала на мерцающую булавку для галстука, которую Мэтти приколотла к воротнику своего винтажного платья. – Я рада.

Дедушка Джо подарил ей эту булавку в тот день, когда Матильда открыла свой магазинчик. Булавка представляла собой серебряный шестипенсовик, который приделали к закрученной штопором серебряной булавке. Эту безделицу подарил дедушке в его 21-й день рождения бывший одноклассник, который в пятидесятых учился делу у одного ювелира в так называемом Ювелирном квартале Бирмингема. Мэтти помнила, что дедушка Джо с гордым видом прикалывал эту булавку каждый раз, когда полагалось принарядиться по какому-то поводу, а также натирал ее каждое утро по воскресеньям, готовясь отправиться на церковную службу. С момента его смерти до сегодняшнего утра булавка лежала в черном бархатном мешочке на дне шкатулки с танцующей балериной, оставшейся у Мэтти с детства. Лори еще неделю назад заявила, что было бы неплохо, если бы Мэтти носила эту булавку. *«Ты словно вернешь себе частицу его»*. Почему сегодняшний день оказался чем-то отличным от предшествующих? Почему сегодня утром она решила нацепить на себя эту булавку? Мэтти не знала. Просто наконец она перестала придумывать себе оправдания и приколотла булавку. Теперь украшение посверкивало, как будто тая в себе слабый лучик надежды.

– Я решила, что так будет правильно. Ты была права, Лори. – И, не желая продолжать разговор, грозивший ее расстроить, Мэтти перевела его в другое русло: – Если хочешь, можешь сейчас сделать перерыв на обед.

Если Лори и поняла, что от нее хотят отделаться, она не подала виду.

– Я не против, если ты не возражаешь. К тому же у меня еще есть пара дел.

– Хорошо. Уверена, с Перси я как-нибудь справлюсь и сама.

– А знаешь, – Лори понизила голос, – наш Перси еще ничего себе. Если у тебя есть склонность к солидным мужчинам, то можно присмотреться. Он, что называется, серебряный лис.

Мэтти понравилось замечание Лори, однако, если на то пошло, Перси не относился к ее типу мужчин. В то время как ее подруги стеснялись поднимать вопрос личной жизни Мэтти, Лори Мэрдок была не из тех женщин, которые способны держать свои мысли при себе. Будучи в разводе, Лори, которой было под пятьдесят, уже давно махнула рукой на то, что о ней подумают окружающие, и радовалась свободе самовыражения так, как ей того хотелось. Недавно она увлеклась йогой и медитацией. По ее мнению, правда была самым ценным даром, который следовало дарить и принимать с благодарностью. Бессмысленно скрывать правду, ведь услышать ее – это намного лучше.

– Лично я пас, но если ты собираешься рискнуть...

– Не исключено. Меня всегда привлекали зрелые мужчины старше меня... Ой, почти выскочило из головы! Вчера, когда ты была там, приходила женщина... – Лори избегала произносить слово «похороны», что вызвало у Мэтти очередную волну нежности по отношению к ней. – Ладно... она все равно оставила записку... где-то...

Лори принялась шуршать лежащими на столе рекламными проспектами, письмами и стикерами, а Мэтти, наблюдая за ней, наверное, в сотый раз пообещала себе привести все в порядок... на этой неделе.

Наконец Лори издала победный возглас. Перси встревоженно обернулся. Лори протянула Мэтти желтый стикер.

Гейнора Фэйрчайлд, управляющая домом престарелых Боувел.

Пожалуйста, позвоните мне, когда Вам будет удобно. У меня есть интересное предложение.

01562...

– Она не сказала, что это за интересное предложение для меня? – сразу же насторожилась Мэтти.

– Нет, зато наш магазин произвел на нее сильнейшее впечатление, – сообщила Лори, направляясь к выходу и с трудом надевая на ходу куртку. – Позвони ей.

Мэтти посмотрела на Перси. Похоже, старик был вполне доволен жизнью. Он сидел на раскладном металлическом стуле у коробки с грампластинками. Женщина взялась за телефонную трубку. Не стоит тратить время на пустые предположения о том, что понадобилось от нее этой незнакомке. Лучше разобраться со всем прямо сейчас.

После строгого голоса автоответчика Матильде пришлось добрых две минуты дожидаться ответа, вслушиваясь в деликатно подобранную фоновую музыку.

А потом прозвучал певучий голос Гейноры Фэйрчайлд:

– Ах, я так рада, что вы мне позвонили! Я очень рассчитывала на ваш звонок... Послушайте, у нас тут небольшой дурдом... Не могли бы вы заскочить к нам после закрытия магазина? Я буду сегодня до восьми.

Мэтти не успела ответить, поскольку в следующее мгновение звонок сорвался, и теперь она стояла, изумленно взирая на красную бакелитовую телефонную трубку, гудящую в ее руке.

– Интересный звонок? – подходя к ней с несколькими выбранными пластинками, спросил Перси.

Мэтти сморщила нос.

– Не уверена.

Дом престарелых Боувел располагался на западной окраине Кингс-Санбери. Белая ограда из штакетника являлась границей, за которой заканчивались городские дома и начиналась холмистая местность Стаффордшира. В конце 90-х годов прошлого века большое главное здание и хозяйские пристройки превратили в находящееся под постоянным присмотром персонала комфортное жилище для престарелых людей. Двери располагавшихся на первом этаже квартир для жильцов выходили в общий внутренний дворик, весьма ухоженный, кстати. А еще имелся красивый парк, вход в который был доступен только жильцам. Остановив свой любимый красный автофургон «фольксваген» на широкой, усыпанной гравием стоянке для посетителей, Мэтти улыбнулась, подумав о том, что бы сказал дедушка Джо, если бы увидел ее здесь. До ссоры в семье любили пошутить насчет того, что дедуля Джо – единственный старик во всей Англии, который не желает жить в Боувеле. Несколько лет назад «Таймс» отметила это заведение среди десяти лучших домов для престарелых в сельской местности. С того момента образовалась внушительная очередь желающих вселиться в одну из престижных квартир с палисадником, переоборудованных и довольно уютных. Боувел превратился в местную легенду.

Как оказалось, недоброжелательный тон дежурной по телефону не был случайностью. Женщина взирала на Мэтти строгим взглядом поверх очков для чтения, которые чудом держались на кончике ее похожего на клюв носа, пока гостья объясняла, что приехала встретиться с управляющей. Казалось, Мэтти имела дело с ворчливой брюзгой, которая неодобрительно взирала на нее. Женщине пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Ей начинало нравиться здесь, ибо после душевной боли вчерашнего дня смех был бы как нельзя кстати.

– Через двустворчатые двери, – отрывисто сообщила женщина-птица. – Первая дверь налево.

Спеша побыстрее покинуть пернатую ворчунью, Мэтти старалась не обращать внимания на разыгравшиеся нервы и уже через минуту стучала в дверь, на которой висела табличка с именем той, которую искала.

– Входите! – послышался певучий голос.

«От стервятницы я попала к лазоревке», – мелькнуло в голове Мэтти, когда она открыла дверь.

Гейнора Фэйрчайлд была женщиной, влюбленной в моду семидесятых. Это Мэтти сразу же отметила. Хотя лично она оставалась нейтральной по отношению к семидесятым, Мэтти всегда нравились люди, которые ищут вдохновение в прошлом. Гейнора, что ни говори, была настоящей фанаткой семидесятых: оранжево-коричневая, связанная крючком жилетка, блузка в цыганском стиле, расклешенные джинсы с заниженной талией... Снизу в каждую штанину были вставлены клинышки более темной джинсовой ткани. Ручная работа. Вокруг шеи висели две нитки длинных деревянных бус. Что до ее перманента, то Мэтти видела такой на фотографиях мамы, когда та, еще совсем молоденькая девушка, училась в колледже. Единственной уступкой текущему десятилетию были ярко-оранжевые кроссовки «конверс», которые вступали в определенный диссонанс с остальной ее одеждой.

– Мисс Белл! Я рада видеть вас. О, а вы леди в моем вкусе! – воскликнула она, едва ли не вприпрыжку обойдя Мэтти.

Гейнора с интересом любовалась винтажным ситцевым платьем с розами в стиле пятидесятых. Сегодня Мэтти стянула свои волосы в конский хвост в стиле Одри Хепберн, а губы накрасила ярко-красной помадой, которую Лори в прошлом месяце приобрела на винтажной ярмарке.

– У вас такой *аутентичный* стиль!

Мэтти улыбнулась, решив не говорить Гейноре, что это ее рабочая, а не повседневная одежда. Вне стен магазина она предпочитала более удобные джинсы, но, работая в магазинчике, вскоре поняла, что покупатели, переступая порог «Белл Бибопа», хотят видеть ее одеждой согласно моде того или иного периода истории.

– Мой брат называет меня Барбарой Гуд... Знаете, это героиня, которую сыграла Фелисити Кендал в «Счастливой жизни»¹⁰. Он считает, что я застряла в семидесятых. А я говорю, что ему еще повезло. Он родился под счастливой звездой. Я могла бы походить на Марго Лидбеттер¹¹!

Гейнора рассмеялась, довольная собственной шутке. Мэтти не знала, следует ей смеяться или нет.

– И где, спрашивается, мое хорошее воспитание? Извините, мисс Белл. Прошу, садитесь. Могу предложить вам кофе... чай? Лично я сейчас не отказалась бы от чашечки марокканского мятного чая, если вы не против. Знаю, знаю, я такая предсказуемая!

Мэтти опустилась в низкое, застеленное тканью кресло, уже несколько утомленная ураганом добродушия Гейноры.

– Обычного чая будет вполне достаточно. Спасибо. Я не могу долго здесь задерживаться...

– Разумеется. После целого дня на ногах вы, должно быть, смертельно устали. Признаюсь, я ежедневно благодарю небеса за то, что у меня в основном сидячая работа. – Женщина подняла трубку телефона, стоявшего у нее на столе: – Эйлин! Будь так добра, принеси нам одну чашечку черного чая и одну марокканского мятного... *Да-да, того, что странно пахнет...* – Скривившись, она посмотрела на Мэтти и пояснила: – Наша дежурная считает меня кем-то сродни наркоманке с закидонами и явно не доверяет. Не удивлюсь, если узнаю, что во время моего отсутствия она заходит в кабинет и шарит в ящиках моего письменного стола.

¹⁰ Имеется в виду известный британский сериал, шедший на экранах с 1975 по 1978 год включительно по Би-Би-Си. Барбара Гуд – энергичная, острая на язык, приятная в общении женщина.

¹¹ Тоже героиня сериала «Счастливая жизнь», обидчивая, лишенная чувства юмора карьеристка.

Мэтти подавила улыбку. Познакомившись с женщиной-птицей совсем недавно, она тем не менее вполне могла представить, как эта особа рыскает по кабинету Гейноры после наступления темноты, подозревая хиппи средних лет во всех смертных грехах.

– И чем я могу помочь вам?

– У нас в Боувеле я завела привычку посещать наших постояльцев просто ради общения, дружбы или с практическими целями – чтобы постричься, сделать массаж, педикюр, развлечься... По средам у нас проводится клуб для встреч, ну и все такое... В начале года я ездила на курсы по обмену опытом и узнала об интересной инициативе моих коллег, которую называли Днем памяти. Вы что-нибудь слышали об этом?

Мэтти отрицательно покачала головой.

– Нет, извините. Нет...

– Это относительно новое явление по всем параметрам. Я загорелась желанием попробовать провести нечто подобное. Многие наши постояльцы, как вы, возможно, в курсе, страдают от маразма, болезни Альцгеймера или стресса, вызванного смертью одного из супругов. Мы здесь, в Боувеле, не пренебрегаем физическими нагрузками, но я собираюсь начать программу, которая поможет загрузить и их память...

Гейнора прервалась, словно ждала, что скажет Мэтти.

Матильда улыбнулась, надеясь, что этого достаточно, чтобы управляющая продолжила, но неловкое молчание затянулось, поэтому гостя вынужденно произнесла:

– *Интересно...*

– Это уж точно! Очаровательно, я бы сказала. В День памяти наши постояльцы будут иметь дело с вещами из их прошлой жизни, что, без сомнений, поможет им не терять связь с настоящим. Мои коллеги из других сельских домов престарелых показывали своим подопечным старые фотографии, киноплёнки, одежду, прокручивали старую музыку. Результаты просто впечатляющие...

Громкий стук в дверь оборвал ее на полуслове. В кабинет ворвалась Эйлин с чаем. Ее высокомерие на этот раз пугало. Мэтти поблагодарила женщину-птицу. Эйлин чуть ли не силой всунула ей дымящуюся кружку с логотипом Боувела. Учтивость с ее стороны даже не предполагалась.

Когда она ушла, Гейнора улыбнулась Мэтти.

– Ну и что вы на этот счет думаете?

– Как по мне, то это хорошее начинание. А от меня вам что нужно?

– Для начала мне нужны вы. Мне кажется, что вы могли бы привезти кое-какие вещи из вашего магазинчика... так сказать, позаимствовать на время. Боувел покроет все возможные издержки в случае каких-либо повреждений. Вероятно, вы сможете прочесть перед ними небольшую речь... Двадцать минут, не больше. Пришедшие послушать вас смогут прикоснуться к привезенным вами вещам. Мы оплатим затраченное вами время, и, вполне возможно, после этой встречи у вас появятся новые покупатели.

Мэтти не возражала против того, чтобы привезти товар из магазина, а вот перспектива выступления в набитой пенсионерами комнате ее, признаться, немного пугала. Она никогда не стремилась очутиться в свете рампы на сцене, в отличие от двоюродного брата Джека, который с легкостью умел завоевывать внимание зала.

– Я с удовольствием привезу вещи, а вот насчет речи... не уверена...

– Ерунда, мисс Белл, вы само очарование!

– Мэтти, пожалуйста.

Гейнора потянулась и взяла Мэтти за руку. Жест был почти материнским, скорее трогательным, чем излишне свободным в общении двух малознакомых людей.

– Просто расскажите им о своем магазинчике и о любимом периоде своей жизни. Не забывайте, что большинство наших постояльцев в пятидесятые были подростками. То было

незабываемое для них время. Как только старики увидят ваше красивое платье и узнают, что вы – владелица винтажного магазина, они тотчас вернутся мыслями в прошлое. Как вам мое предложение?

– Ну и что ты скажешь? – спросила Лори с набитым ртом.

Мэтти подозревала, что сейчас ее собеседница доедает пятничную китайскую еду на вынос. Лори в своих предпочтениях была привержена рутине.

– Руфус! Лежать! Извини, Мэтти! Я сейчас отбиваю свой последний китайский рулет у шоколадного лаборатора.

Мэтти улыбнулась, прижимая мобильник к уху. Она смотрела в темноту сельской дороги, на обочине которой остановилась после посещения Боувела. До этого женщина купила себе рыбу с картошкой фри в «Капитане Немо». Так красочно назывался в Кингс-Санбери специализированный магазинчик, торгующий этим кушаньем. Мэтти наблюдала, как поднимающийся от еды пар постепенно оседает конденсатом на стекле автофургона. Когда она закончит есть, придется возвращаться в свою неказистую квартирку, занимающую полдома в дальнем конце деревни. А ей этого не хотелось. Квартирка, которую она снимала, так и не смогла стать для нее *домом*. Поглощать ужин, взятый на вынос, Мэтти предпочла в знакомой обстановке Ржавчика.

– Я согласилась. Ты тоже, если хочешь, можешь поехать.

– А как же магазин?

– Это в воскресенье, так что без проблем.

– Г-м-м-м... Не уверена... Руфус! Чертов пес! Он меня в *могилу* сведет... Извини, Мэтти! Я не хотела...

– Ничего страшного.

Интересно, в ее окружении когда-нибудь перестанут придавать этому столько внимания? После смерти дедушки Джо люди почему-то беспрестанно смущались и старались избегать слов, имеющих отношение к смерти, что было даже хуже, чем если бы ей ежедневно напоминали об утрате. Нет, разумеется, они хотели как лучше, вот только их предупредительность привела к тому, что после смерти дедушки Джо она чувствовала себя еще более одинокой, чем вследствие всех тех потрясений, которые ей довелось пережить в последние недели. Мэтти представляла себе, как у нее за спиной люди переговариваются, пока она старается жить так, как может: *«Слышала, что у нее умер дед? После того, что случилось с ее парнем... Я слышала, что Джо Белл даже не разговаривал с ней перед смертью...»*

Больше всего на свете Мэтти хотелось вернуться к нормальной жизни. Ей хотелось вновь обрести способность смеяться вместе с подругами в пабе, в кафе Кингс-Санбери или на улице, свободно болтать о погоде, о том, что показывали по телевизору вчера вечером, сплетничать о последних деревенских новостях без той ужасной навязчивой серьезности, которая витала над всяким, с кем бы она ни повстречалась. Люди не знали, о чем говорить. Мэтти не могла их винить. Поменяйся они местами, сама Матильда, вполне возможно, страдала бы косноязычием и проявляла бы излишнюю обходительность.

Жители Кингс-Санбери отличались добротой и предупредительностью, вот только с излишней готовностью произносили слова утешения, а еще могли появиться на пороге твоего дома с фразой: *«Я испекла слишком много пирожков и хлеба»*. В первую неделю, последовавшую за утратой, Мэтти потеряла счет кастрюлькам из жаропрочного стекла, которые приносили к порогу ее нового дома и которых было куда больше того, что помещалось в ее маленький холодильник, и определенно больше того, что она могла бы съесть. Мэтти теперь держала у дверей упаковку наклеек для посылок и канцелярский маркер «Шарпи», чтобы впоследствии вернуть пустую посуду их владелицам. К сожалению, все эти подношения и

банальные фразы, какими бы благожелательными они ни были, снова и снова напоминали Мэтти о ее утрате.

– Когда ты собираешься устроить День памяти?

Мэтти смахнула одинокую слезу, катившуюся по щеке.

– В воскресенье на следующей неделе. Мы соберем подходящие вещи из магазина. Я возьму компакт-диск с записями британского рок-н-ролла, чтобы проиграть их старикам. Полагаю, что Томми Стил, Майкл Холлидэй, Адам Фейс и Альма Коган создадут подходящую атмосферу. Думаю, будет прикольно.

– Мне нравится тот диск. Удивляюсь, что мы еще не стерли его до дыр, учитывая, сколько раз проигрывали записи в магазине. Ты будешь толкать речь?

– Я постараюсь как-нибудь без этого.

– Почему? Мне кажется, тебе это не повредит, – заявила Лори.

В ее голосе неожиданно прозвучала серьезная нотка. Сердце Мэтти сжалось в груди.

– Выскажись. Поделись воспоминаниями о дедушке Джо, его влиянии на тебя... Я имею в виду... Ну, ты понимаешь...

Она, разумеется, была права. Было просто невыносимо рассказывать о магазине «Белл Бибоп», не объясняя, с какой стати она влюбилась в пятидесятые годы. Все в магазинчике имело непосредственное отношение к рассказам, которые внучка слышала от своего дедушки Джо задолго до того, как между ними пробежала черная кошка. Мэтти ужасно сожалела о том, что не может рассказать дедушке, как хорошо теперь она ведет дела. В то время, когда они перестали разговаривать, Мэтти серьезно подумывала о том, чтобы отказаться от магазина, а всю торговлю перевести в Интернет. Вот только все в этом маленьком магазинчике, выходящем витриной на утопающую в зелени деревню Кингс-Санбери, напоминало ей о дедушке Джо. Первые пластинки, проданные здесь, были из большой коробки, которую дед подарил ей на шестнадцатилетие. Она помнила корешки книг с запыленных полок в кабинете деда. Радиоприемники, телефоны и фаянсовая посуда были зеркальным отражением того, что он показывал ей в магазинчиках старых вещей в Бриджнорте, Айронбридже и Ладлоу. *У меня был такой в моем первом доме... О-о-о, я помню это так ясно, словно это было вчера...*

Дело не только в том, что старики в Боувеле будут счастливы, получив возможность прикоснуться к старым вещам из магазина «Белл Бибоп», которые она привезет в День памяти. Это шанс для самой Мэтти, шанс снова стать ближе к дедушке Джо, хотя бы на один шаг приблизиться к выполнению обещания, данного на его могиле.

Глава 3

Бинг Кросби¹² и оркестр Виктора Янга

«Узнать тебя»

В День памяти Ржавчик, утробно ворча, остановился на автостоянке возле дома престарелых. Мэтти перевела дыхание, успокаиваясь.

– Как ты? – спросила Лори и пригнулась, чтобы в зеркале заднего вида поправить свою прическу «бедные завитки»¹³.

– Нормально... кажется.

– Ну, значит, ты покрепче меня. Мое сердцебиение заметно участилось, а ведь мне даже речь толкать не надо.

Мэтти скривилась.

– Спасибо, что напомнила.

– Расслабься. Там будут несколько старых бабулек, которые после всего угостят тебя чашечкой вкусного чая. – Выпрямив спину, она взглянула на Мэтти: – Сколько старичков, по словам Гейноры, ожидается?

– Около тридцати. По воскресеньям кое-кого отвозят к своим семьям обедать, поэтому полного набора не будет, – ответила она своей помощнице и улыбнулась. – Все будет отлично. Я ничуть в этом не сомневаюсь.

– Так держать! – Лори выскочила из автофургона и, обойдя машину, подошла к Мэтти.

Вместе они вытащили через боковую дверь большую коробку со старыми вещами, а затем большой чемодан на колесиках.

– Черт возьми! Ты что, запаковала сюда Перси? Тонну весит!

– Подумай о тех деньгах, которые ты сэкономишь, не посещая спортзал, – рассмеялась Мэтти, когда они направились к главному зданию.

Она слышала сопение и кряхтение Лори, тащившей позади огромный чемодан.

Войдя в помещение, обе женщины остолбенели.

Ярко освещенный, хорошо отапливаемый амбар с дубовыми стропилами, превращенный в зал для собраний, гудел от громких голосов тех, кто собрался в его стенах.

– Их здесь сотни! – прошипела Лори. – Где они все тут живут? Не по десять же в одной комнате!

– Наверное, у них тут двухъярусные койки, – улыбнулась Мэтти.

Лори была права. Людей оказалось куда больше, чем, по ее мнению, могло уместиться в переоборудованных зданиях и коттеджах на территории дома престарелых. Все внутри у нее сжалось при мысли, что придется выступать перед такой толпой. Надо было попросить Джека помочь ей. Ему-то наверняка понравилось бы выступать перед подобной аудиторией.

– Где нам все разложить? – шепотом спросила Лори, встревоженно окидывая взглядом рассевшихся стариков, нетерпеливо и громко болтающих между собой.

– Гейнора скажет. А вот и она! Иди за мной.

¹² Гэрри Ли́ллис «Бинг» Кр́осби (1903–1977) – американский певец и актер, один из самых успешных исполнителей в США, зачинатель и мастер эстрадно-джазовой крунерской манеры пения. Известен как исполнитель многих джазовых шлягеров и хитов в стилях свинг и диксиленд.

¹³ Прическа, была популярна в сороковые годы XX века в Великобритании.

Мэтти быстрым шагом направилась к дальней стене здания, покрытого остроконечной дубовой крышей. Там, нарядившаяся в желтое, усеянное маргаритками платье с длинной юбкой и блестящий оранжевый шарф, суежилась вокруг столика с легкими закусками Гейнора.

– Привет, Гейнора!

– Мэтти! Вы здесь! Замечательно! А вы, должно быть, Лаура?

Улыбка Лори казалась больше похожей на оскал.

– *Лори.*

– Вот и чудненько! Только представьте: у нас аншлаг! Просто не верится! Моя коллега Нэнси из Спрингхиллского дома престарелых в Стоун-Ярдли сагитировала кучу своих подопечных, так ей понравилась идея Дня памяти. Теперь у нас аншлаг. Вон там мы поставили два стола на козлах. Они застелены белыми скатертями. Видите? Разложите на них все привезенное вами, и через десять минут будем начинать. Хорошо?

Мэтти поймала себя на том, что у нее дрожат руки, пока она и Лори раскладывали на демонстрационных столах книги, предметы одежды, журналы, грампластинки, старые телефоны, кофейники, чашки с блюдами, радиоаппараты и старые парфюмерные флаконы для духов. Со стороны сидевших впереди пожилых леди, которые начали узнавать те или иные вещи из своего прошлого, стали доноситься охи и ахи. Гомон в помещении постепенно усиливался.

– Я так нервничаю, – призналась Мэтти своей помощнице.

– И я. На твоём месте я бы сейчас превратилась в каменный столб.

Лори протянула ей компакт-проигрыватель, сделанный в стиле проигрывателя грампластинок пятидесятых, а потом поспешила прочь, чтобы отыскать указатель на то место, где в стену вделана электрическая розетка.

Когда все предметы были разложены, Мэтти спрятала пустые коробки под свисающими почти до пола краями белых скатертей и встала. Глядя на собравшихся, она расправила складки на черно-белой плиссированной юбке колокольчиком, выдержанной в стиле от Диора. Прохлада сатиновой ткани успокаивала, и женщина перевела дыхание.

– У меня такая же была.

Мэтти, оглядевшись, заметила невысокую ясноглазую пожилую леди, опиравшуюся на богато выглядевшую резную тросточку красного дерева.

– Что?

– У меня была вот такая же юбка, как на вас. Стиль «новый облик от Диора». В те времена одежду для женщин шили так, чтобы они выглядели очень женственно. Ее купили мне в самом Париже, вот только лично я выглядела в ней легкомысленной вертихвосткой.

Ярко выраженный ливерпульский акцент выделялся на фоне речи уроженцев Стаффордшира так же сильно, как внешний вид его обладательницы. Пожилая женщина была одета не в серые, бежевые или бледно-пастельные тона, как большинство собравшихся здесь. Ее свитер, юбка и туфли с невысокими каблуками-рюмочками были ярко-красного цвета. Удивительный выбор для женщины ее лет. Что до прически леди, то она выглядела безупречно. Единственная уступка возрасту заключалась в том, что завитые седые волосы были подкрашены и имели бледно-сиреневый оттенок. Шею оплетали две нитки больших жемчужин. Ансамбль дополняли большие золотые серьги-кольца. На запястье красовались дорогие золотые часы, которые поблескивали в свете галогеновых ламп, подвешенных к высокому потолку.

Мэтти тотчас же прониклась к ней симпатией.

– Боюсь, это не настоящая, – чуть понизив голос, призналась она. – Настоящая от Диора мне не по карману.

– Я никому не разглашу эту тайну, детка. – Улыбнувшись, старушка подняла вверх палец с ярко-красным ногтем и добавила: – Мы же не миллионеры.

– Весьма признательна. – Вспомнив о вежливости, Мэтти протянула ей руку: – Мэтти Белл. Рада познакомиться.

Глаза женщины сверкнули, как у шаловливой девчушки.

– Рэни Сильвер. Взаимно.

– Эй! Пожалуйста! Чуть тише!

По помещению разнесся громкий голос Гейноры, призывая ворчащих и болтающих стариков к порядку. Она направилась к Мэтти. Рэни Сильвер закатила глаза и пошла к первому ряду, явно намереваясь заявить свои права на одно из мест. Мэтти с удивлением заметила, что несколько стариков, сидевших рядом с ней, подмигнули пожилой леди.

– Мило. Чудненько. Ладно... Сегодня мы решили порадовать вас кое-чем интересненьким. Честно-честно. С огромным удовольствием я представляю вам Матильду Белл из винтажного магазина «Белл Бибоп» в нашей деревне. Она приехала сегодня к нам, чтобы рассказать о том, чем занимается. Вижу, многие из вас уже заметила вещи, которые мисс Белл любезно привезла с собой из своего магазина. После того как вы ее послушаете, у вас будет предостаточно времени, чтобы подойти и рассмотреть эти вещи, пока мы подадим чай и кофе. А еще в качестве дополнительного угощения наша Винни сейчас на кухне печет ваши любимые булочки «бабочки».

Последняя фраза была встречена более громкими возгласами одобрения, чем остальная речь Гейноры. Это помогло Мэтти немного расслабиться. В соревновании по популярности между нею и сладостями Матильда не имела ничего против того, чтобы быть второй. Гейнора наконец отошла в сторону, предоставляя Мэтти возможность действовать...

Речь прошла как в тумане. Мэтти обрела второе дыхание, когда ее всецело охватил энтузиазм в отношении того, чем она занимается. Гейнора верно оценила аудиторию. Во время своей речи Мэтти заметила, что взгляды стариков останавливаются на вещах, разложенных на столах позади нее. А потом она услышала далеко не приглушенную болтовню насчет того, что они видят. Когда Мэтти закончила, раздались вежливые аплодисменты, а доктор Уильям Ланкастер, директор Боувела, подошел к ней и поблагодарил. Мэтти ощутила немалое облегчение, наблюдая за тем, как постояльцы и гости, поднявшись со своих мест, направились к столам.

Рэни Сильвер направилась напрямик к Мэтти.

– Вы были бесподобны, что ни говори...

– Вы так считаете?

– Я знаю. Трудно решиться встать перед толпой лицом к лицу. Я это хорошо знаю. Вы всем понравились. Я уже несколько месяцев тут, но ничего подобного до сих пор не видела. У нас здесь что-то вроде приемной Всевышнего. Большую часть времени мы проводим в ожидании. Когда проживешь такую долгую жизнь, как я, это начинает действовать угнетающе.

Мэтти поймала себя на том, что с трудом сдерживает улыбку, разговаривая с этой деятельной пожилой леди. Во время своей речи взгляд Матильды то и дело невольно останавливался на этой старушке в красном, которая с необычайным изяществом сидела на стуле, хотя, честно говоря, в этом перестроенном амбаре было немало других пожилых людей, которые с таким же вниманием слушали гостью.

– Ну да ладно... Не буду вас задерживать. Выпейте чашечку чая. Думаю, у вас пересохло в горле. Приятно было с вами познакомиться, Мэтти Белл.

Матильда наблюдала за тем, как толпа стариков расступилась, словно воды Красного моря, пропуская Рэни к столам с вещами из «Белл Бибопа».

«Хотелось бы мне в ее возрасте оставаться настолько же уверенной в себе», – пронеслось в голове у Матильды.

– Превосходная презентация, мисс Белл.

К ней, улыбаясь, шел Уильям Ланкастер, неся две чашки на блюдцах.

– Я взял на себя смелость принести вам чашечку чая.

– Очень мило с вашей стороны, спасибо.

– Вижу, вы познакомились с нашей знаменитостью.

Мужчина кивнул в сторону пожилой леди в красном.

– Яркая личность, – сказала Мэтти.

– Рэни куда больше этого. В свое время она была довольно знаменита. Певица. В пятидесятые годы выступала вместе с «Серебряной пятеркой». Вы слышали об этом ансамбле?

Мэтти показалось, что все вокруг замерло.

– «Серебряная пятерка»?

Ошибочно приняв ее заминку за непонимание, доктор Ланкастер продолжил:

– Их сейчас не так часто вспоминают, как иные ансамбли того же периода, хотя некоторые из их песен впоследствии исполняли другие певцы. Кажется, Том Джонс¹⁴ когда-то пел «Ты любишь меня». Их помнят главным образом благодаря этой песне. В пятидесятых наша Рэни была восходящей звездой британского рок-н-ролла. В семидесятые, помнится, она работала на телевидении в разных шоу с Силлой Блэк и Лулу¹⁵.

Мэтти столько раз слышала историю «Серебряной пятерки», что могла бы рассказать ее наизусть. Дедушка Джо влюбился в их музыку, когда был двадцатилетним парнем, и на протяжении долгих лет оставался одним из немногих истинных поклонников этой группы. Виниловые пластинки с записями их песен он считал одним из самых больших своих достояний. Если бы он не порвал все связи с Мэтти незадолго до своей смерти, эти пластинки сейчас наверняка достались бы ей. «Я был самым большим их фанатом», – вспомнила она его слова. Сердце женщины сжалось в груди, когда в памяти зазвучал его голос: «Если бы мне удалось хоть раз увидеть их вживую! Я не смог попасть на концерт «Серебряной пятерки», а потом оказалось, что это было их последнее выступление». Говоря это, дед выглядел ужасно несчастным. В его бледно-голубых глазах мелькала тень разочарования, пережитого молодым человеком, каким он когда-то был. Потом дедушка успокаивался, ставил одну из пластинок на поскрипывающую при движении вертушку своего обожаемого проигрывателя и, взяв Мэтти за руку, вел внучку в танце, сливаясь в гармонии со сладкими звуками музыки и веселыми, озорными ритмами песен.

Матильда перевела взгляд на пожилых людей, которые рассматривали вещи из магазина. Рэни ярко выделялась на их фоне, но дело было не только в ее одежде. Казалось, что она купается в свете. За каждым ее движением внимательно наблюдали окружающие. Дедушка Джо называл подобное свойство человеческой личности «заревом “Рэди-Брэйк”»¹⁶. Воспоминание о дедушке отдалось болью в сердце. Она быстро опустила глаза, уставившись на свой недопитый чай.

– Э-э-э... Позвольте я принесу вам еще чашечку? После произнесенной вами чудесной речи вы, должно быть, испытываете жажду, – предложил доктор Ланкастер, решив, что странность ее поведения вызвана жаждой.

¹⁴ Сэр Том Джонс (род. 1940) – британский эстрадный певец родом из Уэльса, чьи красочные шоу и эмоциональные песни принесли ему в середине 60-х широкую популярность. К концу 80-х гг. было продано уже более 100 миллионов пластинок.

¹⁵ Силла Блэк (1943–2015) – британская певица, актриса и телеведущая. Несмотря на большой успех на родине, за ее пределами певица была известна мало. Лулу (род. 1948) – британская певица и актриса, победительница конкурса песни «Евровидение-1969».

¹⁶ Торговая марка овсяных завтраков.

Он взял чашку у Мэтти из рук и поспешил к толпящимся постояльцам дома престарелых. Матильда вздохнула и пнула невидимый камушек носком своей цветастой туфли на невысоком каблуке. Неужели память о дедушке Джо будет вечно ее терзать?

– Уступите за пенни?

К ней через амбар с впечатляющей скоростью приближалась энергичная пожилая леди. Когда Мэтти подняла голову, то Рэни оказалась совсем близко.

– Что?

– Извините, что говорю такое, но вы сейчас выглядите так, словно вас повело от чая, дорогуша.

Мэтти подавила смешок.

– Все нормально, извините.

Рэни пожала плечами.

– Не стоит извиняться. На всех нас иногда находит.

– Доктор Ланкастер сказал мне, что вы были известной певицей.

Пожилая леди цокнула своими вставными челюстями за поджатыми ярко-рубиновыми губами.

– Если уж начистоту, то мне следовало бы стать куда более знаменитой, но это история для моих мемуаров. – В бледно-серых глазах ее засветились озорные огоньки. – Наш ансамбль «Серебряная пятерка», разумеется, был назван в честь меня. Мы выступали с 1951 по 1956 год. Сама я пела до 1980 года. Едва не добилась собственного шоу на телевидении. В 1971 году я пять недель была ведущей певицей у «Сэндс»¹⁷ в Лас-Вегасе. После этого – чертовы круизы на лайнерах, скучные до смерти. Но в те дни меня называли британской Конни Фрэнсис¹⁸. А теперь я очутилась вот здесь, став знаменитостью деревенского дома престарелых Боувел. Хрюшка Лулу не может таким похвастаться. Или я не права?

Мэтти уже хотела рассказать Рэни о дедушке Джо, но потом решила, что так будет неправильно. К тому же чувство утраты сегодня было настолько свежо в памяти, что женщина боялась, что не подберет подходящих слов. Вместо этого Мэтти с интересом смотрела на Рэни Сильвер, стараясь представить ее красивой черноволосой певицей, которая вела свой ансамбль к славе и успеху, по праву им принадлежащим. Много лет назад она похитила сердце ее дедушки.

Одно было несомненным: Рэни не утратила способности покорять зал. Она выделялась на фоне других пожилых людей. Ее чуть вульгарная прямолинейность совсем не вязалась с ее возрастом. Когда джентльмен, которому, судя по всему, было под девяносто, шаркающей походкой подковылял к Рэни и предложил провести ее к столу с закусками, та гневно ему отказала.

– Гуляй себе, Стэн Масси. В последний раз, когда я приняла твою руку, ты меня облапал. Только не надо возражать. У меня было три мужа. Последний, когда попробовал вернуть такое, отделался разбитым носом!

Пенсионер поспешил ретироваться. Из стоящей вблизи группки застенчивого вида пожилых леди донесся приглушенный смешок. Мэтти заприметила их раньше, когда эти старушки следовали за Рэни, расхаживающей по амбару, но при этом всегда держались на небольшом расстоянии. Было видно, что они ловят каждое произнесенное ею слово.

– Пожалуйста, я не хочу отрывать вас от ваших подруг, – сказала Мэтти, вдруг решив, что злоупотребляет вниманием знаменитости Боувела.

¹⁷ Имеется в виду ведущая игорная корпорация США, привлекающая для выступлений в своих казино популярных артистов.

¹⁸ Конни Фрэнсис (род. 1938) – американская певица итальянского происхождения, одна из самых популярных певиц XX века.

– От кого? От этих? Они мне не подруги, девушка, – насмешливо произнесла Рэни, придвинувшись к Мэтти, но при этом не понизив голос, чтобы другие леди могли ее расслышать. – Я называю их тремя гарпиями. Меня при виде их аж трясет от злости.

– Вам здесь нравится? – спросила Мэтти.

Вопрос слетел с ее губ прежде, чем она успела хорошенько подумать. Рэни казалась здесь не к месту, пусть даже она правит, как выражаются, курятником. В ее голове крутились слова бабушки Джо насчет домов престарелых: *«Это просто красиво оформленная тюрьма для пожилых ворчунов. Я никогда не позволю загнать меня туда...»*

– Не могу жаловаться. Персонал – нормальный, еда никого еще не убила... – Она бросила косой взгляд на Мэтти и издала подчеркнуто тяжелый вздох. – Жаль только, что у меня нет семьи и некому навещать.

– Вообще никакой семьи?

– Я не говорю, что вообще никогда не было. Я прожила дольше, чем большинство людей. Три брака и больше денег, чем я могу потратить, но что они значат, когда тебя никто не навещает?

– У вас не осталось живых родственников?

– Есть, но они далеки от меня во всех смыслах этого слова.

– А друзья?

– Здесь у меня много друзей, но никого, кто знал меня в прошлом. Такова жизнь, Мэтти. Не я придумываю правила, но все равно стыдно. Каждые выходные я вынуждена наблюдать, как к другим печальным затворникам приезжают их родные и близкие. Признаюсь, я немного им завидую и чувствую себя паршивой овцой. Со временем, впрочем, ко всему привыкаешь. Этому тебя учит жизнь, проведенная в дороге.

Рэни повернула голову и посмотрела на Мэтти. На ее губах играла блаженная улыбка. К своему ужасу, Мэтти заметила одинокую слезинку, блеснувшую в уголке ее левого глаза.

Было очень грустно. Несмотря на все ее славное прошлое и немалые материальные возможности, Рэни Сильвер была одинока. Мэтти до слез было ее жалко. Сама она никогда не чувствовала себя одинокой, хотя бабушка Джо и оборвал с ней все связи. Когда семь лет назад умерла бабушка Белл, вся семья сплотилась вокруг любимого патриарха, окружив его вниманием и заботой. Мысль о том, что можно бросить бабушку Джо, позволить, чтобы он чувствовал себя одиноким, даже не приходила в голову членам семьи. Он всегда находился в самом сердце семьи. Как можно не приезжать в гости к пожилому родственнику? В последние месяцы жизни бабушки Джо Мэтти немного утешала мысль, что он постоянно был окружен любящими родными и близкими. Хотя Матильда и отказала себе в возможности навещать старика, она знала, что все остальные в семье Белл не оставят его никогда.

Мысль пришла так же естественно, как дыхание. Впоследствии женщина удивлялась спонтанности своего решения, особенно если учесть, насколько сдержанной она была в последнее время.

– Я приеду к вам в гости, если вы не против, хорошо?

Рэни Сильвер пристально посмотрела на нее. На секунду Мэтти испугалась, что ее предложение может оскорбить пожилую леди.

– Вы действительно этого хотите?

– Да. – Мэтти тяжело сглотнула, борясь со своими чувствами. – У меня в прошлом месяце умер бабушка. Я до сих пор не оправилась после утраты. Его рассказы о пятидесятых подкинули мне мысль начать собственное дело. Я с удовольствием вас послушаю, если вы не будете возражать.

«Может, рассказы о его любимой группе снова сблизят меня с дедом...»

Рэни скрестила руки на груди.

– Значит, заключим сделку: я заполучу гостью, а вы заполните пустоту, вызванную кончиной вашего деда?

Мэтти думала несколько иначе, но мысль показалась ей вполне здравой.

– Можно и так сказать.

– Вы наверняка услышите кое-что любопытное для себя...

Глаза Рэни вновь влажно заблестели. Старушка вытащила из кармана своего свитера кружевной платочек и вытерла им непрошеную слезинку.

– Но у меня есть одно условие.

– Какое?

Рэни потянула Мэтти за локоть, оттаскивая от трех гарпий, которые взирали на них с интересом луговых собачек.

– Привезите мне те замечательные шоколадные конфеты с фиалковым кремом, которые продаются в местной кондитерской. Ладно? Медсестры не разрешают мне сладости – очевидно, из-за холестерина... Но мне уже восемьдесят четыре года, так что уже поздно беспокоиться о холестерине. Куда больше шансов сыграть в ящик от вина, которое я прячу в моем гардеробе.

Обдумав все хорошенько, Мэтти сочла, что упаковка шоколада ручной работы – небольшая цена, если она снова почувствует свою близость к дедушке Джо. Всю свою жизнь она слышала рассказы о старом ансамбле Рэни, но при этом почти ничего не знала о членах когда-то популярной музыкальной группы. Когда она будет говорить с Рэни о пятидесятых, в мыслях ей удастся вернуться к тому времени, когда не было ни ультиматума, ни ссоры, когда она могла часами сидеть и слушать интересные и весьма подробные рассказы бабушки о прошлом. Бывшая певица произвела на нее сильное впечатление, и она просто не могла упустить шанс узнать о блистательном прошлом этой пожилой леди.

– Идет, – согласилась Мэтти.

Рэни крепко пожала ей руку. Они обменялись улыбками.

– Когда мы начнем?

– В следующее воскресенье, – ответила без заминки Рэни. – И не забудьте пронести контрабанду.

Глава 4

Этта Джеймс¹⁹

«Эти глупые вещи» («Напомни мне о себе»)

Кингс-Санбери нежился в тишине под розовато-золотистым утренним небом, когда Мэтти в понедельник ехала на работу. Она плохо спала ночью, но это не было для нее внове. После переезда в снятый в аренду дом сон постоянно покидал ее. Казалось, стоило ее голове коснуться недавно купленной подушки на временном ложе, как в ее мозге начинали бурлить вопросы, которые она не пускала к себе днем.

«Наверное, в этом проблема», – думала она, пока «уговаривала» Ржавчика катить по петляющим улочкам между погруженными в темноту домами.

Слишком мало утешительного было в ее жизни, чтобы она могла крепко спать. Все в ее доме было новеньким, купленным в спешке. Многие Мэтти оставила там, где прежде собиралась жить, но все это перестало иметь для нее хоть какое-то значение, когда она узнала, что дедушка Джо все же оказался прав. Странно, как мебель, картины и красивые безделушки превращаются всего лишь в *вещи*, когда жизнь делает крутой поворот. Она прихватила только то, что смогла унести с собой, побросав вещи в черные мусорные мешки, которые расплывались перед ее глазами из-за обильных слез. Большая часть ее мебели до сих пор оставалась на хранении, меньшую она смогла привезти в дом прежде, чем ссора с бабушкой – благодаря Ашеру – перестала иметь хоть какой-либо смысл.

Внутри разлился холод. *Ашер*. Ей больше не хотелось думать о нем.

То, что она взяла в свое новое жилище, было скорее случайным: шкатулка с драгоценностями, папки для деловой документации, лэптоп и коробка с книгами. Когда Мэтти переезжала, она очень волновалась насчет своих книг, но позже поняла, что вряд ли снова будет читать. У нее даже книжного шкафа не было, и теперь сложенные книги представляли собой импровизированный прикроватный столик. Вид их сплюснутых корешков и загнутых страниц, как ни странно, успокаивал Мэтти. Нет, настанет время, и она приведет все в порядок, но не сейчас... *потом*...

Что бы ни происходило вокруг нее, Мэтти любила это время суток. Душевный трепет от открывания двери ее магазина был сегодня такой же, как и в тот первый день, когда Матильда открыла ее впервые. Она не хотела лишаться этого очарования и гордости. Внутри магазинчика пахло полиролью на основе пчелиного воска, меловой краской, розами, старой кожей и деревом. Это был своеобразный запах, присущий только «Белл Бибопу». Когда день заканчивался, она возвращалась домой, а запах, впитавшийся в одежду, вечно напоминал Матильде о том, как же ей повезло заниматься в жизни тем, что она любит.

В магазинчике стояла тишина, что, признаться, не было странным для понедельника, хотя Мэтти хотелось, чтобы эту тишину разорвали покупатели. Сегодня у Лори был выходной, Джек вряд ли появится, а у Джоанны появилось срочное дело, так что пришлось отменить их традиционный ланч в начале недели. Мэтти огляделась по сторонам. Ее раздражало, что она успела уже все переделать. Сейчас она не нуждалась в свободном времени, ей нельзя было задумываться. Ее мозг весь исстрадался, решая задачи, на которые просто нет ответов.

¹⁹ Этта Джеймс (1938–2012) – урожденная Джеμισетта Хокинс, американская блюзовая певица.

Когда после полудня маленький медный колокольчик над входной дверью в «Белл Бибоп» объявил о приходе покупателя, Мэтти ничего не оставалось, как подбежать и обнять его. На губах семейного викария появилась изумленная улыбка, но женщина не смутилась.

– Ну и дела! Покупателей, вижу, не густо, – хихикнул священник, глядя на Мэтти, которая со своими объятиями едва не сбила его с ног.

– Извини. – Рассмеявшись, она отступила. – Я просто рада тебя видеть.

– Если бы все прихожане так искренне радовались моему приходу, – сказал викарий. –

Но большинство подозревает, что мой визит неспроста.

– А разве это не так?

– Ну, как посмотреть. Как там с чайником? Закипел?

– С молоком и одна ложечка сахара?

– Идеально. Только не говори Ванессе. Считается, что я теперь пью без сахара.

– Т-с-с-с, Фил. Я не уверена, что мне следует поддержать тебя в твоей неискренности.

Как-никак ты человек веры.

– Знаю, но Господь знает меня лучше, чем кто-либо другой. – Он устремил взгляд вверх. – Ему ведомо, что я слаб.

Пока Мэтти заваривала чай, Фил разглядывал ее последние приобретения.

– Мне нравится, как ты все здесь устроила, – сказал он, принимая из рук Мэтти кружку с чаем.

– Спасибо, Фил.

– Я серьезно. У тебя есть дар располагать разрозненные предметы так, чтобы они воскрешали дух своего времени. Ванесса, возвращаясь из твоего магазина, только и говорит о том, что видела. Хорошо, что денег у нас не так уж много, а не то, уверяю тебя, она бы скупилась здесь все.

Мэтти усадила священника у окна в кресло из экспозиции, выдержанной в стиле сороковых. Эти кресла она отыскала года три назад на блошином рынке. Со временем они нашли свое место не в гостиной дома, который так и не станет домом ее новой семьи, а на самом видном месте в магазине. Ее утешало, что хотя бы часть любимой ею мебели покинула склад. Сердце Мэтти снова екнуло, стоило ей вспомнить о своих вещах в картонных коробках, прозябающих в серых стальных боксах безликого склада на задворках Телфорда. Когда Мэтти отправляла их на хранение, она воображала себе, что они с Ашером распакут их в своем новом доме. Теперь же ее вещи пылились на складе без дела. Женщина решила, что надо будет выкроить время и перевезти их в ее новое жилище... Как только она почувствует, что готова...

– У меня есть кое-что для тебя...

Улыбка Фила выражала истинное участие, и это тотчас же подняло по тревоге защиту Мэтти.

– Я не был уверен, когда придет подходящее время...

Он замолчал, дожидаясь, что она скажет. Не дождавшись, викарий поднялся и взял в руки картонную коробку, которую оставил на прилавке.

– Вот.

– Что это?

– *Коробка*, Мэтти.

Женщина покачала головой.

– Что за глупости?

– Справедливое замечание. Ладно. Дело вот в чем... Ты же знаешь, что я навещал Джо в больнице перед самым концом?

Мэтти кивнула. После упоминания имени бабушки у нее перехватило дыхание.

– В последние две недели я бывал у него каждый день. Ему о многом хотелось со мной поговорить, а я был только рад его слушать. Признаюсь, у меня был скрытый мотив: я хотел разговаривать с ним насчет тебя.

– Серьезно? Я не знала.

– Понимаю. Именно потому я говорю сейчас с тобой. Извини, но я не смог заставить его передумать.

– Фил! Не вини себя в этом. Он был не из тех, кто меняет свое решение.

То, что она вслух произнесла это, отнюдь не делало сожаление менее горьким. «*Я тоже не меняю...*» Мэтти не отрывала взгляда от коробки в руках Фила. Она боялась, что если посмотрит на него, то не сдержится и расплачется.

– В любом случае спасибо, что попытался.

– Он любил тебя, ты знаешь, что бы там ни случилось.

– У него была странная манера проявлять свою любовь... – Мэтти запнулась, ужаснувшись горечи, звучащей в ее голосе. – Извини. В глубине сердца я знаю, что любил, просто он принял решение, и, как я понимаю, любая попытка отступить рассматривалась им как поражение. Дед терпеть не мог признавать, что был неправ. В этом мы друг друга стоим.

– Я говорил ему, что у него мало времени. Нам, в общем, не полагается об этом говорить, но я решил, что Джо должен знать. Я сказал, что он очень пожалеет, если не попрощается с тобой. Думаю, он понял. В последний раз, когда мы виделись, он попросил меня передать это. – Фил погладил рукой коричневую картонную коробку. – Я подождал немного, решил, что тебе надо дать время после похорон... внутренне подготовиться.

– К чему? – Она указала на коробку. – Что там?

– Не знаю, но Джо точно описал мне, где найти эту коробку, а еще настаивал, чтобы я передал ее лично тебе и ничего никому об этом не говорил. Мне пришлось съездить домой и найти эту коробку, пока твоя мама сидела у его постели. Видишь, он даже в самом конце всеми командовал.

– Что я с этим должна делать?

– Джо сказал, что здесь ты найдешь ответы, почему он вел себя так, как вел, и почему это важно. – Фил протянул коробку Мэтти. – Он сказал: «В этом я весь. Мэтти найдет ответы». Лично я понятия не имею, что он хотел этим сказать.

Покачав головой, Матильда оторвала клейкую ленту, которая мешала ей проникнуть вовнутрь. Судя по тому, как легко она разорвалась, коробка стояла в таком виде довольно продолжительное время. Расправив картонные клапаны, женщина заглянула внутрь. Аккуратно, словно солдаты, готовые к смотру, там были сложены тринадцать обтянутых кожей дневников формата А6, датированных периодом с 1944 по 1956 год. Каждая запыленная обложка имела другой цвет, образуя, таким образом, поблекшую радугу. Запахи вернули ее в кабинет дедушки Джо. Сколько воскресений она провела там, разглядывая корешки книг его библиотеки!

– Я не знала, что он вел дневники, – сказала она, беря один из них в руки и ощущая его тяжесть.

Мэтти раскрыла дневник. При виде знакомого мелкого почерка сердце ее сжалось. В семье бытовала шутка, что почерк дедушки Джо лучше всего виден в окуляр микроскопа. В этих небольших дневниках каждая запись представляла собой небольшое сочинение. Все страницы были кропотливо заполнены теснившимися на них словами. Мэтти вспомнились книжные полки в доме на ферме. Каждый доступный дюйм на них был плотно набит книгами. Она подумала о сестре и маме, которым теперь придется разбирать замысловатые книжные конструкции, созданные дедушкой Джо за многие годы. Она не завидовала им, понимая, что перед ними стояла довольно сложная задача.

– Что он сказал о дневниках?

Фил пожал плечами.

– Я не знал, что в коробке находятся дневники. Он лишь сказал, что содержимое коробки поможет понять его и что ты найдешь здесь ответы. Он не мог быть более конкретен. Извини, я знаю, что это не то примирение, которого ты заслуживаешь, но, возможно, ты найдешь утешение в этих дневниках. Быть может, это станет неким решением всего этого.

Когда Фил ушел, Мэтти открыла коробку и разложила дневники на прилавке от «сандерберда». Перед ней лежали тринадцать лет жизни дедушки Джо, записанные в дневниках с потускневшими, испещренными трещинками кожаными обложками. Тринадцать лет, о которых Мэтти почти ничего не знала.

Она слышала истории, которые повторялись во время каждого семейного обеда и в праздники. Это были идиллические, пронизанные солнечным светом картинки из детства, проведенного в деревне. Даже рассказы, отнесенные к военным годам, пропускались сквозь пахнувший розами фильтр прожитых лет. Кингс-Санбери приютил беженцев, эвакуированных из больших городов. Их поселяли на фермах Шропшира под безопасными небесами. Дедушка Джо рассказывал о летних ярмарках и гонках мальчишек на товарных вагонах, о военных внедорожниках и удивительном обилии еды на фермах из-за живности, так что никаких карточек здесь и в помине не было. Но вот послевоенные годы, а за ними двенадцать месяцев обучения в Лондоне в 1956 году представляли собой ощутимый пробел. Истории дедушки о подростковых годах сводились к одному – «все было хорошо», а потом, когда его просили рассказать что-нибудь еще, он обычно возвращался к своему детству. Мэтти не помнила, чтобы когда-либо спрашивала деда о «пропавших годах». Листая дневники, женщина думала о том, какие же тайны они могли хранить в себе.

Было странно думать о дедушке Джо в то время, когда он еще не был пожилым человеком, но Мэтти помнила, как Ванесса, жена преподобного Фила, сказала после похорон: *«Только представь, что твой дед прожил почти всю свою жизнь, когда ни тебя, ни Джоанны еще на свете не было. Его жизнь похожа на айсберг, две трети которого относятся к тому времени, когда вы еще не родились».*

Мэтти провела рукой по обложкам дневников.

– Кем же ты был на самом деле, Джо Белл? С какой стати тебе хотеть, чтобы я все это прочла?

В первых двух тетрадях были записи за 1944 и 1945 годы, правда, не ежедневные. Буквы казались большими. Каждая запись могла занимать от двух до трех страниц. Иногда на страницах появлялись детские рисунки. То и дело ей попадались истории, о которых она уже слышала от дедушки Джо. Мэтти пролистала дневники за какой-то час. Слава богу, до конца рабочего дня в «Белл Бибоп» никто не заглянул.

Незадолго до закрытия женщина взяла в руки дневник 1946 года. Пыльная красная кожаная обложка и призрачные золотые цифры, обозначающие год. Раскрыв его посередине, она принялась читать.

Почерк показался ей значительно более зрелым, чем в прежних двух, вот только больше всего места отводилось описанию драк. Кажется, одиннадцатилетний Джозеф Натаниэль Белл больше всего в жизни интересовался тем, как сильнее отдубасить своего приятеля Клайва Адамса во время игры в «моргание» и «каштану»²⁰. Читая дальше, Мэтти обнаружила описания празднований в деревне Ночи костров²¹, Адвента²² и Рождества. Отец

²⁰ Две детские игры, которые были распространены в Англии в описываемый период времени.

²¹ Ночь костров – традиционное для Великобритании ежегодное празднование в ночь на 5 ноября. В эту ночь, пятую после Хэллоуина, отмечается провал Порохового заговора, когда группа католиков-заговорщиков в 1605 году попыталась взорвать парламент Великобритании в Лондоне.

²² Адвент – название предрождественского периода, принятое в среде христиан католической церкви и некоторых протестантских деноминаций и аналогичное периоду рождественского поста на Востоке.

Рождества подарил ему деревянную модель истребителя «спитфайр», однако сам Джо был уверен, что старик в красном купил эту игрушку у его собственного отца. Впрочем, он был только рад такому подарку и горд им. А еще дед писал о бесконечных разногласиях с братом Эриком, который был на пятнадцать месяцев младше и постоянно втягивал его в разные неприятности.

Декабрь 1946 года

Мама рассердилась. Эрик погнул ее лучшую форму для выпечки пирогов, когда съезжал на ней со склона Примроуз-Бэнк. Она отправила его спать без ужина, но, когда брат проснулся, он сказал, что это я его подговорил. Теперь моя очередь ложиться спать голодным. У Эрика вид кота, который добрался до сливок. Мама громыхает кастрюлями на кухне, а я планирую свою месть. Эрику следует быть настороже. Я такое не забуду!

Мысль о том, что Джо Белл страдал от несправедливости, как ни странно, немного утешила Мэтти. По крайней мере, он знал, что это такое. Внезапно ей захотелось с кем-то этим поделиться. Обнаружение дневников было слишком важным событием, чтобы держать это в тайне. Дедушка Джо, возможно, и настаивал на том, чтобы все оставалось в секрете, но его рядом с ней не было, а появление дневников было единственным приятным событием, случившимся с ней за долгое время. Решение далось ей с легкостью. Закрыв магазин, она позвонила сестре.

– Мэтти! Ты не представляешь, как я рада тебя слышать! Как дела?

– У меня есть кое-что, что тебе будет небезынтересно увидеть, Джей-Джей. Ты на этой неделе будешь свободна?

– Приедешь сегодня вечером на ужин? Фред на конференции в Манчестере. До завтра он не вернется. Дети будут на седьмом небе от счастья, если ты наведишь нас.

Мэтти почувствовала себя счастливой, когда приехала в чудесный, словно с картинки, коттедж, расположенный в близлежащем Айронбридже. Она соскучилась по племяннику и племяннице, которые явно испытывали те же чувства. По крайней мере, она подверглась нападению и ей пришлось побороться с двумя преисполненными счастья комочками смеха.

– Итан! Ава! Дайте тете перевести дух! – крикнула Джоанна.

Вытерев руки кухонным полотенцем, она поспешила на помощь сестре в выложенную мильтонским кафелем прихожую.

– Извини, дорогая. Утром заскочила мама Фреда и дала им «Харибо»²³. От всего, кроме «Свинок Перси», у них срывает крышу. Помогите, дети, тете Мэтти!

Наконец высвободившись из детских объятий, Мэтти последовала за ними в просторную кухню. Итан и Ава тут же унесли прочь, чтобы притащить кучу новых игрушек, которые они хотели показать тете. Джоанна принялась кипятить воду в чайнике, который, как показалось Мэтти, стоит больше, чем большая часть ее вещей, вместе взятых.

– Рада тебя видеть, – улыбнулась Джоанна. – Мы очень соскучились по тебе. Дети как взболтанные бутылки с шипучкой после того, как узнали, что ты приедешь в гости. Как ты?

– Хорошо, куда лучше, чем прежде... Серьезно...

– Ну, расскажи о знаменитой пожилой леди, к которой ты собралась с визитом, – улыбнувшись, произнесла сестра и принялась заливать кипятком в заварник с красными и розовыми сердечками от Эммы Бриджвотер²⁴. – Держу пари, она просто великолепна.

²³ Германская компания, производитель сладостей, штаб-квартира находится в Бонне.

²⁴ Современный британский дизайнер и производитель керамической посуды.

– Да. Тебе следует познакомиться с ней, Джей-Джей. Уверена, что она знает много занимательных историй.

– Дедушка был бы на седьмом небе от счастья.

– Да уж. Это еще одна из причин, почему я хочу с ней встретиться, – слегка покраснев, призналась Мэтти.

– Из-за того, что ее воспоминания смогут напомнить о нем?

– Вроде того. Думаешь, это эгоизм?

– Отнюдь. Это общение наверняка пойдет на пользу как тебе, так и твоей новой знакомой. Думаю, ей будет приятно поболтать с тобой о прошлом. К тому же я рада, что ты снова улыбаешься, – сказала Джоанна и прикоснулась к плечу сестры. – Только небесам ведомо, что обеим нам со всем этим делать.

– *Ма-ма!* Ава не отдает мне Барби «Сияние заката»! – разнесся по кухне истошный крик Итана.

Джоанна криво усмехнулась.

– Мой сын решил, что любит кукол Барби, – пожав плечами, сказала она. – Теперь у нас на диване проводится лондонская неделя высокой моды. Клянусь, он собирается стать очередным Марком Якобсом²⁵. *Ава!* Пожалуйста, верни Барби брату!

Ава появилась в дверном проеме, с собственническим видом сжимая в ручке крикливо одетую куклу.

– Мама! Я играю в королеву пиратов, а Итан носится со своим дурацким миланским променадом.

– Ава Белл-Джоунз! У тебя в сундучке с игрушками предостаточно странных созданий, из которых получится отличная королева пиратов. Верни Барби брату и старайся *не ссориться с ним*.

Громко выразив свое несогласие, маленькая девочка выпятила нижнюю губку настолько далеко, что она, казалось, вот-вот коснется кончика носа, а потом вернулась в детскую. Одно было ясно: в доме верховодит Джоанна. Мэтти всегда удивляло, как ее сестра справляется со всеми трудностями, возникающими у нее в жизни. По правде говоря, жизнь у сестры сложилась совсем не так, как она хотела. Когда-то Джоанна мечтала путешествовать по миру и перебраться в США. А потом родился Итан, и сестра стала вести себя так, словно единственным ее предназначением было материнство, хотя прежде, насколько помнила Мэтти, она об этом не думала. Фред не хотел, чтобы жена работала, поэтому Джоанна стала домохозяйкой, а по вечерам начала вести блог о стиле жизни, который уже начал приносить деньги. Она была замечательной мамой. Мэтти надеялась, что, если с ней такое случится, она будет в этом похожа на сестру. Джоанна всегда казалась спокойной, готовой достойно отреагировать на непредвиденную ситуацию, но при этом никогда не терялась в бесконечной череде семейной рутины.

– Кто бы мог подумать, что я посвящу себя детишкам, которых хоть на рекламный плакат «Пусть игрушки будут игрушками» помещай? – улыбнулась Джоанна. – К чаю, кстати, я приготовила тушенную с овощами баранину. Надеюсь, ты не против?

– Просто замечательно! В последнее время я, кажется, переела запеканок с говядиной.

– Соседи до сих пор несут еду?

– Да. Конечно, это очень трогательно, но я, признаться, начинаю прятаться, когда звонят в дверь.

– Это же деревня, милая. Люди так отзывчивы, что иногда перебарщивают. Поможешь мне накрыть на стол? Нам надо поспешить, а не то конфликт из-за Барби будет развиваться по нарастающей.

²⁵ Современный американский модельер.

Когда детей выкупали, прочли им сказку на ночь и уложили их в кроватки, сестры Белл уединились в гостиной.

– Как ты живешь вот так изо дня в день? – спросила Мэтти, у которой разыгралась мигрень. И, сжимая виски, добавила: – Детишки милые, но я от них ужасно устаю.

– Ты бы привыкла. Я рада, что их двое. Несмотря на вечные перебранки, они очень близки. Для меня это важно.

Мэтти внимательно посмотрела на сестру. Услышанное совсем не вязалось с характером Джоанны.

– Все точно в порядке?

– Конечно. Что ты мне хотела показать?

– Фил принес мне картонную коробку, которую ему оставил дедушка Джо.

Она вытащила из сумки стопку небольшого формата дневников и разложила их на кофейном столике.

– Его дневники?

– Я не знала, что дед вел записи. Я и подумать не могла, что когда-нибудь увижу что-то подобное.

– И он оставил их тебе?

Мэтти кивнула, не сводя внимательного взгляда с лица Джоанны. Последнее, чего ей хотелось, – отдалить от себя сестру.

– Он сказал, что дневники помогут мне лучше понять его.

– А мама с папой знают?

– Пока нет. Я не уверена, что сейчас они воспримут это надлежащим образом.

– Пожалуй, в этом есть смысл... Ну, Мэт...

– С тобой точно все в порядке? Я имею в виду вот... это...

– Ну... я испытала маленький шок при виде его почерка...

– Вижу.

– Только не думай, что я тебе завидую. В последние месяцы мы с ним много разговаривали. Я спросила у дедушки все, что хотела узнать. У меня было достаточно времени, чтобы попрощаться. Тебе же в этом было отказано. Я считаю, что эти дневники – просто здорово. Появился шанс вернуть то, чего лишила тебя глупая ссора между вами. Ты уже что-то успела прочесть?

Мэтти кивнула.

– За 1944 и 1945 годы. Мне показалось, что ты тоже захочешь их прочесть. В дневниках описано военное время. К ним после эвакуации приехал Билл Годфрей и жил у них на ферме. Помнишь, как дедушка о нем рассказывал?

– Помню. Он любил вспоминать о том времени, особенно о Рождестве. *«Мы не предупредили Билла, что мама коптит окорок. Когда папа вытащил его из дымохода...*

...бедный парень подумал, что мы зажарили Отца Рождества», – закончила за сестру Мэтти, вспоминая, какой хохот разносился всякий раз, когда дед произносил эту коронную фразу. – Было странно читать все эти истории, записанные по свежим следам, без позднейших украшательств.

Джоанна взглянула на Мэтти. Казалось, что сестра видит ее насквозь. Она всегда была очень проницательна. Мэтти невольно сжалась, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Но что ты при этом *ощущаешь*?

– Пока, честно говоря, не знаю. Прежде я ничего подобного не читала. Это все внове для меня... Но дневники все равно не в состоянии заменить улыбки, объятий и прощального поцелуя.

Утрата тупым ножом резанула ее по сердцу.

– Конечно, не в состоянии, но, когда все сказано и сделано, именно это, по-моему, имеет истинное значение. – Джоанна осторожно положила дневники обратно на стол и обняла себя за колени. – Мэтти! Я хочу попросить тебя об одолжении, но не знаю, как к этому лучше подойти...

– Просто скажи – и все тут!

– У нас с Фредом далеко не все в порядке.

Признание потрясло Мэтти до глубины души.

– О нет, Джей-Джей!

– Я прежде молчала об этом, потому что не знала, что говорить... Не знала, как вообще завести разговор на эту тему. Мама не в том состоянии, чтобы можно было ей сказать. У тебя свои неприятности... – У нее на глазах выступили слезы. – Мне пришлось за всеми присматривать, стараться, чтобы все окончательно не разладилось.

Сердце ее разрывалось. Мэтти бросилась к сестре и заключила ее в свои объятия.

– Это не твоя ответственность. Ах, Джоанна, мне так жаль.

Они сидели обнявшись, и напряжение от бремени минувших месяцев постепенно ослабевало. Рыдания Джоанны стихли до шепота, чтобы дети случайно не услышали. У Мэтти мелькнула мысль о том, как часто сестра вот так беззвучно рыдала. Она ненавидела себя за то, что в последнее время слишком была поглощена Ашером и ссорой с бабушкой Джо, поэтому не замечала, что происходит вокруг. Джоанна и Фред демонстрировали на людях все признаки семейного счастья: уютный дом, замечательную семью и размеренную жизнь. Не было ли это всего лишь притворством?

– Давно? – наконец спросила Мэтти.

– Да, но последние полгода – сущий ад. – Джоанна отстранилась, и Мэтти впервые увидела правду, которую прочитала в глазах сестры. – Сегодня я решила, что больше не могу позволить детям жить во всем этом. Да и у меня уже не осталось сил. Мы все заслуживаем лучшего. Нам надо съехать отсюда. Денег от блога на некоторое время хватит, но мне нужны и другие источники дохода. Мне неудобно тебя просить, Мэтти... Но, возможно, у тебя в магазине найдется какая-нибудь работа? Я буду делать все что угодно и столько времени, сколько понадобится.

– Да, разумеется, – ответила Мэтти, прежде чем успела подумать о последствиях.

В любом случае она найдет деньги.

– Я договорюсь с Лори. Куда вы переедете?

– Мы снимем жилье. Думаю, так будет лучше. Я бы попросила маму, но боюсь, что она не справится со мной и детьми. Она еще не пришла в себя от пережитого горя. Ей нужно время и свободное пространство.

Мэтти сразу же подумала о снятой ею половине дома. Там были две незанятые спальни, а еще царила такая пустота, что его нельзя было назвать домом.

– Почему бы вам не переехать ко мне?

Глаза Джоанны расширились.

– Мэтти! Я не могу взвалить на тебя еще и детей...

– Ты не взваливаешь, я сама предлагаю. Мне бы хотелось больше времени проводить с Итаном и Авой. В моем новом доме слишком много пустого места. Я не думала об этом, когда арендовала его. Там достаточно места для нас всех.

Позже, лежа под одеялом в гостиной, Мэтти думала, что приняла правильное решение. Дом станет ярче и наполнится жизнью, когда там появятся Джоанна, непоседливые Итан и Ава. В комнатах будет звучать жизнерадостный смех. После этого дом, возможно, станет настоящим домом.

Глава 5

Сара Вон²⁶

«Что делает мой день»

– Матильда! Признаться, я очень обрадовалась, когда увидела вашу фамилию в списке посетителей. – Лучезарная улыбка Гейноры, казалось, освещала собой все белоснежное пространство зала для посещений. – Вы приехали сюда к Рэни? Как мило!

Мэтти улыбнулась. Светящаяся Гейнора, одетая в ярко-оранжевую курточку с рисунком в форме маргариток и светло-зеленые брюки-клеш, пронеслась через двустворчатые двери мимо хмурой, как грозовая туча, Эйлин. В своей повседневной одежде Мэтти чувствовала себя рядом с управляющей дома престарелых как-то блекло.

– В День памяти мы неплохо ладили. Я с нетерпением ожидаю услышать от нее новые рассказы.

– У Рэни этих рассказов предостаточно, – хихикнула Гейнора. – У нее была очень бурная жизнь.

Они прошли через бывший амбар и оказались в зимнем саду, откуда открывался чудесный вид на холмы Шропшира. Воздух гудел от разговоров, которые вели постояльцы и те, кто приехал их навестить. Дети опрометью носились между кожаными креслами с высокими спинками, то и дело выбегая в парк через раздвижные стеклянные двери, а их прадедушки и прабабушки гордо взирали на них. Когда сюда проникло утреннее солнце, усиливая теплую, счастливую атмосферу, царящую здесь, Мэтти вспомнила о воскресных обедах в доме из красного кирпича, располагавшемся на противоположном конце деревни. Когда-то этот дом тоже наполняли смех и жизнь. В эти выходные семья собиралась организовать генеральную уборку. Вещи, которыми были окружены прежние жильцы дома, больше им не понадобятся. От мысли о доме, прежде полном жизни, а теперь мрачном и пустом, ей стало грустно.

Рэни Сильвер сидела на заметном удалении от остальных. Она заняла наиболее выгодное место рядом с распахнутой дверью. Ее взгляд был устремлен на голубые холмы, видневшиеся за комплексом зданий. Сегодня она была женщиной в черном и золотистом. В таком наряде приличествовало скорее пить полуденный чай в отеле «Ритц», чем сидеть воскресным утром в доме престарелых в Шропшире. Если она и чувствовала себя одинокой, внешне у Рэни это ничем не проявлялось. Подбородок свой старушка держала высоко и гордо.

Гейнора на цыпочках подошла к пожилой леди и, встав рядом с ней, слегка дотронулась до ее плеча.

– Рэни, дорогая! – уважительно произнесла она. – Матильда Белл здесь!

– Доброе утро, мисс Сильвер.

Рэни приподнялась со своего места. Мэтти подумалось, что ее претенциозно розовые пушистые будуарные тапочки без задников резко контрастируют с элегантным платьем в черную и золотую полосу.

– Зовите меня Рэни, девушка. Извините, что я сегодня по-простому, без чинов. Воскресные тапочки остались еще с того времени, когда я пела в Лос-Анджелесе. – И она протянула Мэтти руку. – Гейнора! Как мило! Эта отзывчивая девушка приехала навестить старую одинокую перечницу, ушедшую на покой.

²⁶ Сара Вон (1924–1990) – афроамериканская джазовая певица, одна из наиболее известных в XX веке. Премия «Грэмми» в номинации «Лучшая джазовая вокалистка» (1982).

– Ага.

Гейнора гордо улыбнулась Мэтти, словно давала благословение суррогатной матери.

– Мне это только в радость, – сказала Матильда. – Не могу позволить вам оставаться в одиночестве в день для посещений.

– Несомненно.

Улыбка Рэни была несколько бледной. Мэтти подумала о том, что, возможно, стоит обнять ее на глазах у Гейноры.

– Полагаю, мы можем позволить вам заняться своими делами, Гейнора, дорогуша...

– Но вы...

Взгляд Рэни мог бы, казалось, заморозить даже солнечный свет. Гейнора запнулась.

– Ну... да... работы довольно много... *Счета*, понимаете ли. Вы, полагаю, знаете, что тут к чему...

С этими словами управляющая развернулась на платформах своих джутовых туфель.

«Странно», – подумала Мэтти.

Но она уже и так догадывалась, что Гейнора Фэйрчайлд – женщина, полная сюрпризов.

Рэни все еще улыбалась.

– Итак. Вы их купили?

Вспомнив о розовато-белой коробке, которую она принесла с собой из деревенской кондитерской, Мэтти потянулась к своей сумочке, но Рэни внезапно крепко схватила ее за запястье.

– *Не здесь*, – прошипела она, бросив взгляд через плечо, словно подозревала, что за бегониями в горшках может прятаться шпионка. – Идите за мной.

– Э-э-э... хорошо, – выдавила Мэтти, немного опешив от неожиданности.

Не ослабляя хватки, Рэни отправилась в парк, расположенный во внутреннем дворе. Бодро шагая, она здоровалась со всеми стариками, встречавшимися у нее на пути.

– Доброе утро, Джордж... Все хорошо, Вера? Подвесные корзинки просто великолепны, Говард... Ширли! Твои правнуки растут как на дрожжах. Чем ты их подкармливаешь?

Они дошли до угла парка, где стояла элегантного вида пляжная скамейка с гнутыми подлокотниками в окружении голубых горшков с узколистной лавандой. Оттуда поверх ограды сухой кладки открывался вид на поля и холмы. Рэни наконец разжала руку, которой вцепилась в Мэтти, и с заученной элегантностью, словно глава государства, уселась на скамью.

– Тут лучше, а теперь давайте.

Мэтти послушно достала коробочку. Она наблюдала за тем, как пожилая леди, распечатав ее, отправила две конфеты себе в рот. Прикрыв глаза, Рэни издала довольный стон. Теперь Мэтти, заметив, какое действие имеют на старушку лакомства ручной работы из кондитерской, почувствовала себя торговкой запрещенными наркотиками. Рэни не шутила, называя магазинчик «шоколадной фантазией», – если, конечно, «фантазия» совместима с такой дороговизной. В следующий раз ей надо быть осторожнее с обещаниями. У Рэни Сильвер слишком дорогие предпочтения. Даже франтоватые тапочки выглядели так, словно когда-то к ним был прикреплен дорожный ценник. Дедушка Джо наверняка хорошенько посмеялся бы над внучкой, подумала Мэтти, но тут же отбросила непрошеную мысль.

– Вкусно? – спросила она.

– *Блаженство*, – промурлыкала Рэни и погладила коробочку, словно старую подругу. – Если будете угощать меня этим, девушка, то станете мне подругой до конца моих дней.

«Если я буду покупать это, то через месяц разорюсь», – поморщившись, подумала Мэтти.

– Рада, что вам понравилось. Ну... а-а-а... Как прошла неделя?

А что еще спрашивать у женщины, которую едва знаешь?

– Бросьте. Вы можете постараться и получше. – Увидев выражение лица Мэтти, Рэни игриво ткнула ее под ребра своим костлявым локотком. – Я просто пошутила. Я очень ценю ваш приезд. Честно-честно, только я против всякой пустой болтовни, Мэтти Белл. Мы могли бы поговорить о чем-нибудь более интересном. Почему вы все же решили навестить меня? Только, пожалуйста, не говорите, будто вы прониклись жалостью к старой птице. В подобного рода благотворительности я не нуждаюсь.

Мэтти ощутила, как горячая краска, распространяясь от затылка, заливает ей лицо.

– Да, у меня имеется скрытый мотив, – призналась она. – Мой дедушка был большим поклонником вашей группы.

Рэни приподняла бровь, подрисованную своей нетвердой рукой.

– «Серебряной пятерки»?

– Да. Ему нравилась ваша музыка. Это больше всего запомнилось мне из рассказов дедушки.

– Ух ты! Меня от восторга вот-вот забросит на белые скалы Дувра! А я-то думала, что единственным, кто меня еще помнит, является налоговый, когда приходит время платить процентные отчисления за авторские права. Большой поклонник, вы сказали?

– Он считал себя вашим поклонником. У деда были все ваши синглы и альбом, который вышел в 1955 году.

– Блин! А я-то думала, что все пластинки уже пущены на переработку. Ради интереса скажите, кто из нас ему больше всего нравился?

Мэтти подмывало солгать. Она не хотела, чтобы что-либо отвлекало Рэни от воспоминаний о ее былой славе. Если она решит, что дедушка Джо увлекался ею в юности, Рэни может рассказать больше, но правда заключалась в том, что Мэтти не знала. Дедушка Джо говорил только о группе, поэтому в первые минуты знакомства с Рэни Сильвер она даже не догадалась, кто перед ней.

– Он никогда об этом не говорил, – призналась она. – Мне кажется, ему нравились все.

– Ну да, – втягивая воздух сквозь сжатые зубы, произнесла Рэни. – Много времени с тех пор утекло. Куда эту певичку с тех пор только не закидывало...

Боясь, что она потерпит фиаско прежде, чем успеет начать разговор, Мэтти изменила тактику.

– Именно об этом мне и хотелось бы узнать. У вас, наверное, была ужасно интересная жизнь, Рэни. Я хочу услышать о вашей жизни.

Над ними в небе танцевали двое кричащих черных дроздов, а потом умчались прочь в открытые поля. В светло-серых глазах Рэни, следившей за их полетом, на мгновение мелькнула тоскливая тень.

– Вы скучаете по дедушке?

– Ужасно. Он был выдающейся личностью. Жизнь без него кажется слишком пресной... – Мэтти тяжело вздохнула. – Вам бы он пришелся по сердцу.

– У вас есть его фотография?

Мэтти медлила. Никто не знал, что она носит в своем кошельке небольшую черно-белую фотографию молодого дедушки Джо, сделанную в начале шестидесятых. Она нашла ее на дне коробки с грампластинками, которую дед передал ей перед открытием магазина. Женщина улыбнулась. Несмотря на случившееся, несмотря на то что их отношения были разрушены, его молодое улыбающееся лицо дарило надежду. Следует ли показать Рэни это ее сокровище?

– Держу пари, он был красавцем, – произнесла Рэни.

При этом глаза ее прищурились, словно старушка разгадала суть дилеммы, вставшей перед Мэтти.

– Вы симпатичная. Вы бы такой не были, будь у вас уродливые родители. Как его звали?

– Джозеф Белл.

– Джо... Когда-то знавала одного пианиста по имени Джо в Лас-Вегасе. Я тогда пела ему из старой песни Фрэнка Синатры *«Присядь-ка, Джо, и выслушай меня. Историю поведаю тебе я...»* каждый вечер, когда мы вместе поднимались на сцену.

Голос Рэни чуть дрогнул, но Мэтти расслышала в нем силу, которая невозможна без долгих лет практики.

– Он был красавчиком. Боюсь, у нас закрутился маленький романчик... ну, вы понимаете... – Синеватые завитки ее волос затанцевали, когда Рэни проказливо рассмеялась. – Пианисты – моя ахиллесова пята. Не могла пройти мимо пианиста, чтобы в конечном счете не оказаться в его постели. Мой вам совет, Мэтти Белл: держитесь подальше от пианистов. Они не только на клавишах умеют хорошо играть, вы меня понимаете?

Признаться, настолько безапелляционный и фривольный совет, полученный от старушки восьмидесяти четырех лет, немного шокировал Матильду, но одного взгляда в яркое прошлое Рэни хватило, чтобы понять: ей надо узнать больше. Женщина полезла в кошелек и вытащила оттуда фотографию, которую прятала под водительскими правами.

– Вот. Он был красив.

Рэни взяла снимок и тихо присвистнула.

– Вы шутите. Вы уверены, что мы никогда не встречались? Он похож... Впрочем, неважно. В жизни я встречала многих красивых парней. Жаль, что не познакомилась с ним тогда. Привет, Джозеф Белл.

Сердце Мэтти сжалось. *«Надеюсь, дедушка, ты это видишь».*

– Он был бы на седьмом небе от счастья, узнай об этом.

– Ой, уверена, что он слышит. Думаю, все они сидят там и смотрят на нас со своих дешевых мест. Полагаю, вскоре и я к ним присоединюсь. Конечно, мне придется многое объяснять, если все они попали туда же, но, в конце концов, какой смысл жить, если все делать правильно?

– Мне нравится ваше отношение к жизни.

– Спасибо. Я сама собой горжусь, – заявила Рэни и, сложив кисти рук на коленях, пристально посмотрела на Мэтти. – Ну и что же вы хотите знать?

Солнце спряталось за похожими на хлопчатник тучами, но Мэтти чувствовала, как внутри у нее разливается свет. То же ощущение, что и тогда, когда, будучи маленькой девочкой, она взидала на множество заставленных книгами полок «Севернсайдской книжной лавки», любимого книжного магазинчика дедушки Джо.

– Все, что можете рассказать мне, – выдохнула она.

– Это займет много времени, Мэтти Белл. Я начудила в жизни куда больше, чем вам, возможно, кажется. – Удобнее устроившись на скамейке, Рэни отправила в рот очередную конфету. – Ладно, пристегнитесь, девушка, ибо скачки будут по неровной местности.

Мэтти улыбнулась.

– Я не боюсь.

– Рада это слышать. Итак, все началось с того, что моя мама разродилась на кухне...

Глава 6

Майкл Холлидэй²⁷

«История моей жизни»

– А потом сбежались соседи, засуетились вокруг ее бедной мамы, когда она рожала. Рэни говорит, что там, где она росла, так было принято: твой дом – их, а их дома – твои. Никто не запирает входные двери...

– Старики всегда это говорят, – улыбнулся Джек, предложив Мэтти чипсы из дымящейся бумажной упаковки, в которой хранился его ланч.

Как ему удавалось так плохо питаться, но при этом не быть размером с половину Африки? Уму непостижимо!

– Держу пари, что говорят. Передняя дверь дедули была как Форт-Нокс²⁸... Помнишь? Одни засовы и цепочки. Глядя на это со стороны, можно было подумать, что у него в гостиной лежат золотые слитки.

– Рэни говорит, что так оно и было. В Ливерпуле среди жителей домов рядовой застройки нравы могли быть не такими, как в среде шропширских фермеров.

Джек улыбнулся.

– Извини. Я тебя перебил. Ее мама даже не знала, что она беременна?

Мэтти подула на дымящиеся чипсы, зажатые в пальцах.

– Очевидно, нет. Рэни была поздним ребенком. Ее мать уже и так родила восьмерых. Ей было за сорок, и она считала, что время, когда может забеременеть, осталось в прошлом. Мать называла Рэни своим «маленьким сюрпризом», а вот отец был менее лиричен. Он называл ее «бандеролью почтальона».

– Х-м-м-м... Это, должно быть, очень обидно.

Мэтти вспомнила, как легко Рэни рассказывала ей о своей жизни. Уязвленной она при этом не выглядела, но Мэтти не могла быть уверена, что не имеет дело с маской, которую Рэни носит уже долгие годы.

– Она говорит, что отец начал ею гордиться, когда дела у нее пошли вверх, поэтому мне кажется, что со временем он все-таки полюбил дочь.

– Она тебе нравится?

– Да. Знаешь, Джек, она совсем не похожа на дедушку Джо. Она рассказывает о своем прошлом с гордостью, не стесняется ничего, даже плохого. Не думаю, что смогла бы спокойно рассказывать незнакомке, что мой отец подозревает, что я не от него, а вот для Рэни это всего лишь часть рассказанной ею истории. Я никогда не встречала такого человека. Она, конечно, личность, но есть в ее характере какая-то легкая наглость, не свойственная пожилым леди.

– У тебя не возникало подозрений, что дедушка многого недоговаривал? – спросил Джек, кидая хрустящий кусочек обжаренной в тесте рыбы полному надежд голубю.

Мэтти, опешив от резкости тона, уставилась на Джека. Будучи писателем, он умел сразу же проникнуть в самую суть любой ситуации, но при этом никогда прежде не делился с ней своими наблюдениями. Было как-то странно обнаруживать незнакомые прежде аспекты их взаимоотношений с дедушкой Джо.

²⁷ Майкл Холлидэй (1924–1963) – британский джазовый певец, считается прямым предшественником «Битлз».

²⁸ Военная база, хранилище золотого запаса США.

– Я часто об этом задумывалась. Мне кажется, он был довольно скрытным человеком, особенно это проявилось после смерти бабушки.

Джек улыбнулся, но Мэтти видела, что глаза его остались серьезными.

– Не удивлюсь, если он был знаком с Рэни Сильвер и у них завязался бурный роман. Представляешь лицо твоей мамы, если бы правда всплыла?

– Сомневаюсь, что жизнь у него была такой же яркой, как у Рэни. Пока что я не знаю, насколько можно верить всему, что она рассказывает, но признаюсь, с ней я часто смеюсь.

– Рад, что кому-то удастся...

– О чем ты?

– Ни о чем. – Джек сунул остатки своего ланча в бумажный пакет и положил его обратно на одеяло для пикников. – Как приятно видеть тебя вновь улыбающейся! Я уже начал бояться, что этого никогда больше не случится.

Мэтти наблюдала за двоюродным братом. Неужели она казалась настолько погруженной в депрессию? Она делала все возможное, чтобы скрыть свое горе, и рассчитывала, что сумеет одурачить всех, притворяясь счастливой. Судя по всему, она потерпела фиаско.

– Видимо, мои актерские способности намного хуже, чем я предполагала. Признаться, я думала, что у меня неплохо выходит.

– Выходило... выходит, но ты забываешь, что я слишком хорошо знаю тебя. Другим, возможно, кажется, что ты неплохо справляешься.

– Ну... я утешилась. – Мэтти перебирала пальцами, вслушиваясь в жужжание пчелы у своего уха. – Интересно слушать, как кто-то посторонний рассказывает о том времени, когда дедушка был молодым. С тех пор прошла уйма времени, а эта встреча как бы все начинает заново. Я всю жизнь любила слушать дедушкины воспоминания о пятидесятых, но после ссоры мы больше не разговаривали. Когда я общаюсь с Рэни, то возникает ощущение, что дедушка снова рядом... – Она вдруг почувствовала нарастающую душевную боль и попыталась отвлечься, чтобы ослабить ее. – Рэни очень интересно рассказывает о своей жизни. Тебе не помешало бы познакомиться с ней. Уверена, она тебе понравится.

– Она меня пугает, если то, что ты рассказываешь о ней, – правда. Твоя Рэни съест меня живьем.

– Не исключено.

Мэтти улыбнулась собственным мыслям. Рэни посмотрит на Джека и решит, что выиграла лотерею. Со своими светлыми волосами, глазами адриатической голубизны и атлетическим телосложением он, казалось, был героем, сошедшим со страниц книг. Пожалуй, половина жителей Кингс-Санбери согласились бы засвидетельствовать это. Мэтти испытывала сильную привязанность к двоюродному брату. При этом не последнее место занимало то обстоятельство, что Джек, похоже, понятия не имел, какое впечатление он производит на противоположный пол. Пожалуй, их дед был таким же в возрасте Джека. Он определенно даже не догадывался, до какой степени бабушка его любит. Иногда она загоняла своего муженька в угол деревенского паба «Зеленый человек» и кричала на весь зал: *«Я люблю тебя, ты, болван!»* Ее нетрадиционные заверения в любви стали среди односельчан притчей во языцех и предметом насмешек над бабушкой Джо до конца его дней.

– Так ты еще поедешь к ней?

– Да, конечно. Мне кажется, что мы с Рэни по-настоящему сдружимся.

Мэтти полной грудью вдыхала свежий деревенский воздух, пока шла по узкой тропинке, вьющейся по краю поля, которое находилось под паром. Солнце просвечивало сквозь сочную ярко-зеленую листву старых дубов, росших в лесочке, где, будучи маленькой девочкой, она играла с Джоанной, Джеком и их двоюродными братьями и сестрами. Маршрут был хорошо знаком, он навечно отпечатался в ее памяти, и каждый шаг она знала наперед. Мэтти

зажмурилась, вслушиваясь в звуки, вдыхая запахи нагретых солнцем полей, вспоминая все, что было знакомо ей с детства.

На следующем поле, расположенном чуть ниже, Матильда, пребывая в нежном возрасте пятнадцати лет, впервые увидела Ника Кёри, первого парня, которым она по-настоящему увлеклась. Он играл в футбол с другими парнями из школы. Они носились по заросшему густой травой полю, испещренному следами гусениц трактора. Мэтти была вместе с Джоанной. При виде его Матильда встала как вкопанная. У девочки перехватило дыхание. В дальнейшем сестра постоянно напоминала Мэтти об этом случае. Конечно, парень с золотистыми волосами и голубыми глазами так и не заметил ее существования на этой земле, но первый случай всепоглощающего внимания к противоположному полу накрепко засел в ее памяти. Тотчас же в голове всплыл образ Ашера. Она так ничему и не научилась после того фиаско. Когда Мэтти познакомилась с Ашером на чужом дне рождения в пивном ресторанчике города Шрусбери, она окаменела от пробудившегося в ней желания, застыв на месте, как пятнадцать лет назад в полях. Ее что, ослепило и она поддалась химии тела? Именно поэтому она не разглядела Ашера, не поняла, чем на самом деле он является. Крысой.

Ступни ее ног с заметной силой топали по красноватой пыли тропинки. Женщина вымещала свой гнев, топча подошвами песчанник. Запах потревоженного песка смешался с темной прохладой леска, когда Мэтти вошла в зеленые ворота дубовых ветвей и стволов, напоминающих ей о сотнях игр в прятки, которые семья Белл устраивала на верхнем поле. За прошедшие несколько недель столько всего случилось, что ей необходимо было свободное пространство и одиночество, чтобы попытаться со всем разобраться.

«У меня нет ответов, — сказала она себе, — и, возможно, никогда не будет».

Лишь одно маячило светлым пятном в тумане вопросов, воспоминаний и сожалений: начало ее дружбы со старушкой восьмидесяти четырех лет, которая когда-то была знаменита. Рэни только начала рассказывать ей историю своей жизни, но Мэтти уже попала к ней на крючок. Пожилая леди, без сомнения, была опытной актрисой. Каждый поворот в своем рассказе она умело обставляла таким образом, чтобы полностью завладеть вниманием ее слушательницы. Мэтти постаралась представить Рэни в дни ее славы, когда девушка с кудрявыми волосами цвета воронового крыла разбивала сердца мужчин по всей Великобритании и за ее пределами, поражая их своим легким отношением к чему бы то ни было. В последний приезд Мэтти в Боувел Рэни показала ей несколько черно-белых фотографий, включая ее первые снимки на публике, сделанные вскоре после того, как она начала работать с оркестром Теда Фарнswortha. Девушка казалась очень молоденькой и болезненно худой; последнее, очевидно, объяснялось тем, что ее детство прошло в бедности. А еще у нее было не по годам взрослое выражение лица. Принимая наигранные позы перед камерой фотоаппарата, девушка светилась жизнерадостностью и озорством. Учитывая, что Мэтти знала о силе ее голоса, комбинация была просто убийственной. Неудивительно, что дедушка Джо описал свое первое знакомство с записью «Серебряной пятерки» так: *«Я словно пробудился от серого, безрадостного сна и обнаружил, что вокруг радуга».*

Если кому и надо было оказаться сейчас окруженной радугой, так это Мэтти. В последнее время она уж слишком часто занималась самокопанием в мрачных закоулках собственной души. Пришло время сменить точку зрения.

Мэтти взобралась по ступенькам через перелаз и оказалась по другую сторону каменной стены, ограждающей здание почты Кингс-Санбери. Когда она направилась в деревню, ее взгляд остановился на полосатом тенте, растянутом над входом в магазинчик «Белл Бибоп». Желтые полосы чередовались с зелеными цвета перечной мяты. Тент ярко выделялся на фоне сельской зелени. Мэтти улыбнулась. Она всегда улыбалась, заведя этот тент. А потом Мэтти вспомнился день, когда ей в голову впервые пришла мысль об обустройстве винтажного магазинчика. С самого начала она воображала его именно таким. Он должен был

вобрать в себя вещи из пятидесятых, те самые, которые она любила отыскивать на сельских блошиных рынках и в лавках антиквариата, вещи, воплощающие в себе невинный оптимизм того десятилетия. Война закончилась. Мрачные дни дефицита и вынужденной бережливости медленно уходили в прошлое, и люди осмеливались мечтать о светлом будущем. Когда дедушка Джо рассказывал о пятидесятых годах, глаза его светились. Он утверждал, что это было самое лучшее время, тем более что в эти годы он был молод и полон надежд. В пятидесятые появились новые технологии, новые кинофильмы и новая музыка. Тогда ощущалось сильнейшее влияние США, со всей их экстравагантностью и верой в американскую мечту. Молодое поколение, ищущее свою идентичность, видело в Америке яркую, экзотическую страну. Даже сейчас, по прошествии стольких десятилетий, вещи, которые продавались в ее магазинчике, поражали Мэтти своей красочностью, жизнерадостностью и надеждой на лучшее.

Рэни Сильвер жила в этой мечте пятидесятых. Мэтти знала об этом наверняка из того, что уже успела от нее узнать.

«Если я смогу постичь мир Рэни, слушая ее воспоминания, то, не исключено, это сможет помочь мне найти надежду в моей собственной жизни», – подумала женщина, проходя мимо дорогóй до смешного кондитерской, где продавались сласти ручной работы, и улыбаясь при воспоминании о контрабанде, пронесенной для Рэни.

– В школе я училась плохо, – призналась Рэни, когда она и Мэтти сидели в Боувеле на лавочке перед небольшим прудом с уточками.

Женщины крошили и бросали кусочки еще не остывшего круассана местным пернатым, которые явно умели ценить всякие вкусности и прочие радости жизни.

– Никогда не умела подчиняться приказам других. Я научилась читать, считать и писать собственное имя. Это давалось мне легко, а вот с тригонометрией у меня были настоящие трудности. Когда же устраивался рождественский вертеп, мне всегда доставались главные роли. Подозреваю, что директор нашей школы тоже был в числе моих ранних поклонников. Из-за этого моя мама угрожала рассказать соседкам о его шашнях с миссис Оллереншоу, которая работала в магазинчике на углу. Видите, девушке всегда полезно иметь друзей в нужное время и в нужном месте.

– А после школы вы пошли работать?

– Этого хотел мой отец. Он не горел желанием сбегать меня какому-нибудь парню, как случилось со многими из моих школьных подруг. Его мама работала прислугой с двенадцати лет, и отец считал, что именно это сделало из нее ту, которую он уважал. Ну а мне не хотелось быть психичкой с деспотичным складом ума, какой была моя бабуля, поэтому у меня имелись собственные планы.

– Чего вы хотели?

Глаза Рэни блеснули за затемненными вариофокальными линзами очков.

– Хотела запрыгнуть в первый же поезд и уехать подальше от дома. Так, в сущности, и вышло. Я соврала, сколько мне на самом деле лет, и упростила водителя грузовика, который вез муку, отвезти меня в Бирмингем. Там я уговорила торговца печатными машинками взять меня с собой в Лондон. На вокзале Кингс-Кросс я познакомилась с девушкой из Скегги. В Шордиче²⁹ у нее жила двоюродная сестра, мечтающая стать актрисой. Девушка приехала к ней в гости и предложила мне место на полу, чтобы провести ночь. Я прожила там три дня, потом девчонка уехала, а ее сестра предложила мне свободную комнату в обмен на уборку. Ну, я была младшей в семье. Восемь братьев и сестер. Мама заставляла меня мыть крыльцо уже в пять лет. В восемь я смазывала дегтем петли калитки, а с девяти стирала белье.

²⁹ Название лондонского района.

– Ух ты!

Рэни пожала плечами. Медные пуговицы на нефритово-зеленом шерстяном жакете сверкнули на солнце.

– Там, где я родилась, люди не чурались никакой работы, делали все, что придется, если в этом была нужда. Это впоследствии помогло мне встать на ноги, и, что бы со мной ни случилось, я всегда с этим справлялась. Ну, я покорно склонила голову, принялась за работу, а когда выпадала свободная минутка, читала объявления в «Сцене», касающиеся прослушиваний. Спустя четыре месяца мне улыбнулась удача.

Желая заполучить добавку, одна из уточек выбралась из воды и встала у ноги старой женщины, обутой в туфлю с ремешком сзади такого же нефритового цвета, как и жакет. Рэни вслух выразила свое неудовольствие, но все равно бросила ей кусочек выпечки, которую ела на завтрак.

– И это было вашим первым прослушиванием? – спросила Мэтти.

– Первым и единственным... Ну, в 1975 году чертова Би-Би-Си решила записать со мной пробу для телевизионной программы. Но это уже другая история... Короче говоря, я поздно вышла из квартирки актрисы и не успела на автобус. Пришлось на своих двоих топтать до Ковент-Гардена, где проводились прослушивания. Тед Фарнсворт и его оркестр. Я слушала их по радио у себя в Ливерпуле вместе с мамой и сестрами. Их музыку передавали по пятничным вечерам. Они были по-настоящему знамениты, играли не хуже оркестров в голливудских фильмах, которые я видела, когда вместе с братьями удавалось пробраться в кинотеатр. Я ничего не знала о том, как следует петь вместе с оркестром, но верила, что у меня очень красивый голос. К тому же еще никто не хотел этой работы сильнее, чем я. Оказалось, что для воплощения твоей мечты в жизнь не так уж много нужно. Главное – поверить в себя, Мэтти Белл. А еще нужно иметь медные яйца размером с Ливерпульскую птицу³⁰.

Мэтти хихикнула.

– Не могу поверить, что я слышу эти слова от милой пожилой леди!

– Милой? В *этой* старой птице нет ничего милого, дорогуша, но я рада, что вам со мной не скучно.

– Это уж точно, – улыбнувшись, подтвердила Мэтти. – Мне нравится слушать ваши рассказы. Они изумительны.

– Изумительны? Уже? Мне еще о пяти десятилетиях рассказывать. Лучше будет потопиться... Так на чем я остановилась?

– На пути к прослушиванию.

Мэтти представила себе ясноглазую молоденькую девушку, полную решимости сделать что-то путное со своей жизнью. Лично Матильда не была уверена, что, когда она сама была молоденькой, ее решимость простиралась дальше пустых мечтаний. Нужно было обладать особым складом ума, чтобы рисковать так, как в свое время рисковала Рэни Сильвер. Мэтти, как ни странно, черпала в этом определенное вдохновение.

– А-а-а, ну да...

Рэни потеряла ладони рук. Золотые кольца на фалангах ее пальцев звякнули.

– Так вот, пятнадцатилетняя девчонка выдала себя за семнадцатилетнюю. У меня ничего не было, кроме амбиций и дыр в жакете. Когда я добралась до театра, менеджер сцены заявил, что они уже увидели всех, кого хотели, и попытался остановить меня в дверях, ведущих на сцену. Но не тут-то было! Не для того я проделала такой длинный путь и в течение нескольких месяцев покорно выполняла всю домашнюю работу у актрисы, чтобы

³⁰ Ливерпульская птица – символ Ливерпуля. Самое раннее использование образа птицы, ее изображение на городской печати, известно с 1350-х годов. На зданиях города издавна видны гигантские скульптуры этой геральдической птицы.

подчиниться ему. Я протиснулась мимо него и вышла на сцену так, словно она была моей собственностью. Тед Фарнсворт уже собирался уходить, но покорно сел на место, словно мальчик, послушавшийся собственной мамочки. Я спела *«Вот и наступает ночь»* с нотного листа, который одна из предшественниц выбросила в мусорную корзину, стоявшую за кулисами. Я фальшивила, как мне теперь представляется, но на это не обратили внимания. Тед прослушал мое пение и, несмотря на ошибки, заключил со мной контракт прямо на месте. Два шиллинга и шесть пенсов – за каждое выступление, состоящее из девяти песен. Я подумала, что умерла и попала на небо.

– Ух ты! Держу пари, родители вами гордились.

– Это уж точно, когда получили деньги, присланные мной, – поморщившись, кивнула Рэни. – В нашем доме деньги всегда значили больше, чем дела. Мне было все равно. Я занималась любимым делом, а не чахла у себя в доме в захолустье. Работа была, кстати, не из простых, но не настолько тяжелой по сравнению с жизнью, которую вам навязали.

– Очень вдохновляет, как я понимаю.

– Как бы не так, Мэтти. Если вы думаете, что стоит рвать из себя жилы ради того, чтобы обрести в жизни вдохновение, вы, без сомнения, не особо преуспели с вашим вдохновением. Без обид, – поспешно добавила она, бросив в сторону своей собеседницы лукавую улыбку. – Мэтти Белл! Что вам нужно в жизни?

Мэтти взглянула на старушку. Ее настолько увлек рассказ Рэни, что она думать позабыла о собственной жизни.

– Я хочу быть счастлива.

Ответ, казалось, сам по себе вырвался наружу откуда-то из глубин ее души. Внезапный всплеск эмоций.

– Ну, я имею в виду, что хочу, чтобы моему магазинчику сопутствовал успех, – добавила она. – Хочу стабильности, хочу обрести дом, в котором буду счастлива...

– Фи-и-и-и... Неправильный ответ!

От резкого, словно гудок, возгласа Мэтти встрепенулась.

– То, что вы сказали в первый раз, куда занимательнее. Мне кажется, нам следует немного поговорить о вас.

Утка в ногах Рэни, заметив, что от круассана ничего не осталось, обиженно задрала свой клюв и, громко возмущаясь, поплескала обратно по водной глади пруда.

– Мне так не кажется. Ваша жизнь намного интереснее моей.

Старушка окинула гостью многозначительным взглядом.

– Возможно... В следующий раз я снова у вас спрошу, а вы подумайте над более убедительным ответом, чем тот, который я сейчас услышала. Игра ведется и в те, и в другие ворота. Таковы уж правила. У вас есть куда больше того, что вы позволяете мне увидеть, Матильда. А теперь... Вы принесли шоколад?

Встревоженная проявленной Рэни проницательностью, Мэтти ощутила, как вжимается в мореный дуб скамьи. Она протянула старушке кондитерскую коробочку в белую и розовую полоску.

Глава 7

Конни Фрэнсис

«И кто теперь жалеет?»

14 марта 1949 года

Сегодня мне исполнилось 14 лет!

Мама испекла торт, а папа подарил мне велосипед, который получил от Сайласа Райта. После ремонта он как новенький. Я съехал с вершины Голдсфордского холма словно на крыльях.

Билл Годфрей прислал открытку и длинное письмо. Я рад, что мы остались приятелями хотя бы по переписке. Его рассказы о Лондоне замечательны, хотя тот дом, в котором он жил прежде, разбомбили немцы. Билл пишет, что город грязный, еще многое надо отстроить, но его рассказы о друзьях и тех розыгрышах, которые они друг другу устраивают, вызывают у меня сильное желание поскорей увидеть Лондон. Там есть система подземных железных дорог. Уму непостижимо! Ни в Шрусбери, ни в Бриджнорте ничего подобного нет.

Я никому ничего не сказал о том, что хочу съездить в Лондон и, возможно, когда-нибудь там поселиться! Это мой секрет, который я доверяю только моему дневнику. Я обязательно поеду. Клянусь...

Мэтти откинулась назад и уставилась на дневниковую запись. Это было первое упоминание о Лондоне в дневниках деда, но даже эта короткая запись изменила ее представление об отношениях между ним и столицей. Она-то всегда считала, что год, проведенный в Лондоне, был в первую очередь необходимостью. Там дедушка Джо учился своему ремеслу у дяди. Теперь перед ней предстал непрактичный четырнадцатилетний Джо Белл, который начал мечтать о Лондоне семью годами раньше. Не это ли дедушка Джо имел в виду, говоря преподобному Филу о том, что она лучше его узнает?

Мэтти потеряла глаза и отодвинула назад стул из столового гарнитура. Ее гостиная представляла собой море коробок, содержащих половину вещей Джоанны, Итана и Авы. Прежде лишенный своего лица дом немного ожил, словно сюда сквозь коричневый картон просачивалось эхо ярких личностей ее сестры, племянника и племянницы. Джоанна привезла остальные вещи утром, а через два дня новые жильцы должны были переехать к ней официально. Она с нетерпением этого ждала. Джоанна уже вносила изменения в веб-сайт «Белл Бибоп». Когда она переедет, в магазинчике будет больше смен. Лори ее сестра нравилась. Пребывая в предвкушении, Мэтти с нетерпением ждала перемен и не сомневалась, что сестра сможет внести в ее бизнес свежую струю.

После того как Джоанна приедет, Мэтти поделится с ней тем, что она узнала из дневника за 1949 год. Новые факты добавляли новые мазки к портрету Джо Белла. Хорошо, что она может узнавать о дедушке все больше и больше. Дневники помогали избавиться от неприятного осадка, оставшегося от последних встреч с дедом. Дневники выдавали старое за новое, смягчали боль утраты, давали обещание из прошлого. Кажется, она начала приходить в себя.

Во время ее четвертого посещения Боувела Рэни Сильвер наконец задала вопрос, которого Мэтти страшилась. Хотя вопрос напрашивался сам по себе, поскольку она не раз упоминала имя бабушки, Мэтти все равно была сбита с толку.

– Так все же, что между вами произошло?

Вопрос, заданный Рэни, был острый, словно разделочный нож, который одним ударом рассек ткань их разговора.

– Что?

– Что-то случилось, когда умер ваш дед. Это написано у вас на лице, дорогуша.

Может ли Рэни Сильвер быть настолько проницательной, чтобы, не зная ее, догадаться об этом? Мэтти постаралась сохранить хладнокровие, но при этом прекрасно понимала, что пожилая леди ее раскусила. Она вздохнула.

– Был мужчина...

Рэни щелкнула зубными протезами.

– Мэтти! Всегда замешан какой-нибудь мужчина. Женатый?

– Что? Нет, он...

– Поймите, дорогуша, я не собираюсь осуждать вас за что бы то ни было. Кто без греха, пусть первый бросит в меня камень, и так далее. Иногда мы встречаем правильного человека в неправильное время, и с этим приходится как-то жить...

– Рэни! Он не был женат.

– Голубой, значит, – глубокомысленно изрекла старушка. – Видала такого. Щеголяет в футболке с радугой. Не нужно выглядеть такой шокированной, дорогуша. В мои времена они *тоже* были. Правда, тогда предпочитали не светиться, но если вы были девчонкой с берегов Мерси³¹, то знали бы. Мне разбили сердце два парня, а потом выяснилось, что они нежно влюблены друг в друга. Вспомните хотя бы Рока Хадсона³². Полмира считало, что он спит с Дорис Дэй, а оказалось, что не тут-то было!

– Ашер не гей.

– Ашер, – неодобрительно повторила Рэни. – А его отца, часом, не Мафусаилом кликали? Как я понимаю, родители сейчас, давая детям имена, вспоминают о былых днях. Когда я родилась, библейские имена были очень популярны. Ладно... И что там случилось у этого Ашера с вашим дедом?

Мэтти пропустила мимо ушей презрительное замечание Рэни насчет имени ее бывшего жениха и начала рассказывать:

– Я познакомилась с Ашером, когда устроилась на временную работу и пыталась накопить достаточно денег, чтобы начать собственное дело. Он полгода преследовал меня, как терьер, прежде чем я согласилась пойти с ним на свидание. Далее наши отношения развивались только по нарастающей. Мне казалось, что между нами есть душевная близость, как бы глупо это сейчас ни звучало. Но бабушка Джо проникся к Ашеру антипатией с первой их встречи.

– Такова уж prerogativa всех бабушек, Мэтти. Лично у меня такого опыта никогда не было, но я могу представить, как бы *плохо* повела себя на вашем месте...

– Проблема в том, что бабушка Джо никогда прежде так себя не вел. Из всей семьи он был последним, кто выражал отрицательное суждение о ком-нибудь. Он давал человеку второй и даже третий шанс, когда все остальные давным-давно махнули на него рукой. Я не поняла, почему он сразу же так невзлюбил моего приятеля. Даже моей маме Ашер понравился, а угодить ей совсем не просто. Я всеми силами старалась сгладить это недоразумение.

³¹ Здесь: название реки, впадающей в море возле Ливерпуля.

³² Рок Хадсон (1925–1985) – американский актер кино и телевидения, известный главным образом ролями в мелодрамах Дугласа Сирка и в серии фильмов, где его партнершей выступала певица и актриса Дорис Дэй.

Несколько раз мы «случайно» встречались с дедушкой Джо и моей сестрой Джоанной по утрам в субботу, и потом возникало «спонтанное» предложение пообедать вместе. Мой папа не единожды специально приглашал дедушку Джо и Ашера поиграть с ним в гольф в один и тот же день. Мой дядя Сит соврал, что у него сломалась машина, чтобы они вдвоем пришли ему на помощь. Ничто не помогало.

Воспоминания о неудачных попытках семьи сблизить дедушку Джо и Ашера зазвучали похоронным звоном в голове у Мэтти. Неприятно было вспоминать выражение отвращения на лице у деда, когда он увидел внучку в обществе Ашера, словно само это присутствие унижало Мэтти. Никогда прежде она не видела дедушку таким хмурым и враждебно настроенным. Обычно он постоянно улыбался.

– Вы любили вашего парня?

– Да.

– А дедушке об этом говорили?

Мэтти заговаривала об этом раз за разом, пока слова утратили свою значимость, разбиваясь о каменную стену молчания деда.

– А потом Ашер сделал мне предложение. Когда я сказала об этом дедушке Джо, тот поставил мне ультиматум.

Даже сейчас, после его смерти и по прошествии полугода со времени того ужасного разговора, Мэтти с трудом могла в это поверить.

– Вы шутите?

– Если бы... Дедушка Джо сказал, что я должна выбирать между ними. Я молила его не давить на меня, но он ничего не хотел слышать.

Его слова до сих пор звучали у нее в голове: *«Я этого не потерплю, Мэтти. Я не потерплю, чтобы ты вышла замуж за этого мужчину. Выбор за тобой: или он, или я».*

– Капец! Круто...

От полноты чувств у Мэтти перехватило дыхание. Женщина боролась с подступающими к глазам слезами.

– И что мне было делать? Я любила их обоих, но Ашер хотел быть рядом со мной всю жизнь. Я подумала, что, если со временем дедушка Джо увидит, что у нас все хорошо, он одумается, поэтому предпочла Ашера и порвала с дедом.

Глаза Рэни расширились. Она отправила очередную конфету себе в рот.

– А потом он умер?

Мэтти кивнула. Голос ее перешел почти на шепот:

– Дедушке диагностировали позднюю стадию рака и сделали прогноз, что ему осталось еще месяцев шесть. Он умер спустя пять с половиной месяцев. Дед отказывался со мной разговаривать даже тогда, когда знал, что смерть его близка.

– Упрямый старый чурбан! Держу пари, ваша мама очень расстроилась.

Если бы только...

– Она считала, что мы обязаны были со всем справиться, договориться. Мне кажется, что мама винит меня в том, что рак распространился слишком быстро. Это безумие какое-то.

– А ваш отец? Он с ней согласен?

Мэтти вздохнула.

– Папа у меня молчун. Мне кажется, ему просто нужно было, чтобы никто не мешал ему скорбеть о своем отце. Он знал, насколько опустошена случившимся мама, поэтому счел за благо не вмешиваться. Я не могла ни до кого из них достучаться. И что, прикажете, мне было делать?

– Совсем не весело, судя по тому, что вы мне рассказали. И куда запропастился ваш мужчина, когда все это случилось?

Ашеру следовало встать на ее сторону и поддерживать ее, если уж дед от нее отступился. Если бы жених так поступил, Мэтти было бы гораздо легче, но вместо этого Ашер заявил, что собирается заняться ремонтом дома, который они недавно купили. Надо, чтобы все было готово к их свадьбе. Ее жених во всем добивался совершенства. Мэтти любила его за это, поскольку все остальное вокруг нее рушилось, повсюду царил хаос.

Именно поэтому Матильда ничего не заподозрила, заметив незнакомую машину, стоящую на подъездной дорожке дома, которому вскоре предстояло стать их истинным *домом*. Она знала, что жених нанял небольшую армию узкопрофильных специалистов, чтобы закончить работы вовремя. Мэтти не удивилась, когда услышала шум, доносившийся из недавно отремонтированной ванной комнаты. Женщина решила, что Ашер, вечно добивающийся совершенства, доделывает плиточную облицовку, на приобретении которой он настоял.

Она представить себе такое не могла!

Крики и стоны ее жениха и какой-то блондинки быстро перешли в вопли негодования, когда Мэтти порывисто распахнула новенькую дверцу кабинки душа. На пол, покрытый дорогой плиткой, шлепнулись два обнаженных, в мыльной пене тела. У Мэтти свело живот, когда в голой блондинке она узнала кассиршу из строительного магазина, в котором они за полгода потратили целое состояние...

Но хуже всего было понимание, что дедушка Джо оказался совершенно прав. Со времени его смерти прошло два дня. Помочь чем-либо уже было нельзя.

– Маленький *засранец*...

Надо было что-то ответить на прямоту Рэни с учетом фактов, которые стали ей известны.

– Надеюсь, вы теперь ему не даете?

Мэтти рассмеялась, несмотря на то, что боль от случившегося до сих пор была свежа.

– У меня просто не было другого выбора.

– Когда нужна мужская поддержка, мужиков никогда нет рядом, – подмигнув, сказала Рэни. – Все мужики такие. Если что, они сразу в кусты.

Она погладила ее руку, легко коснувшись пальцами с накрашенными ярко-красным лаком ногтями.

– Но теперь я понимаю, почему вы так сильно горюете о дедушке. Это что-то вроде неразделенной любви.

Мэтти никогда не думала об этом в таком ключе, но прикосновение Рэни разбудило в ней зудящую боль, которая с тех пор не покидала ее. Да, подобная боль характерна для сердца, потерявшего любовь, вот только утрата Ашера не вызвала в Мэтти настолько сильного потрясения.

– Ну да... именно такое чувство. Мне не хватает дедушки Джо, Рэни. Теперь я очень жалею, что предпочла Ашера дедушке. Жаль, что я не могу ничего исправить.

– Будь наши желания кирпичами, мир представлял бы собой звездную пыль. Строчка из моей старой песни. Конечно, все это давняя чепуха в основном, но вы, думаю, понимаете, к чему я клоню.

Мэтти кивнула, к своему удивлению, чувствуя, что от этих слов ей становится легче.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что выслушали.

– Дорогуша! Мне уже семьдесят четыре года. Теперь я только и способна на то, чтобы внимательно слушать. – Сложив кисти рук на коленях, Рэни наблюдала за тем, как старик, постоялец Боувела, борется с подносом, на котором стояли чайные чашки. – Т-с-с-с... Вижу, Тревор играет в Железного Человека. Хочет произвести на меня впечатление. Трев! Дорогой! Помнишь, что док сказал насчет того, что тебе не следует перегружать себя?

Старик от удивления едва не выронил поднос из рук. Он покраснел и, повернувшись к Рэни, сказал:

– Мне не тяжело, спасибо. – Его голос дрожал, поэтому было ясно, что дело обстоит как раз напротив.

Рэни покачала головой.

– Он старается выглядеть бодрячком, думает, что, если не будет горбиться, пока несет свой поднос с чайными принадлежностями, я решу, что он похож на чертова Кларка Гейбла³³. Трев! Поставь-ка поднос, дорогой! Если Гейнора увидит тебя сейчас, она выплет тебе по первое число. Эй, *Чардонней*! – позвала она хмурого вида молодую санитарку. – Перестаньте любоваться лаком на своих ногтях и помогите нашему Треву. Если он повредит себе спину, вы потеряете работу.

Мэтти с интересом наблюдала за представлением, которое разворачивалось у нее на глазах. Санитарка бросилась к идущему нетвердой походкой старику и схватилась за край подноса, который уже накренился под опасным углом. Тревор запротестовал под одобрительные возгласы трех гарпий, сидящих в углу и пытающихся поддержать своего идола. За тот месяц, что Мэтти ездила в Боувел, она уже привыкла к тому, что невольно становилась зрительницей своеобразных мыльных опер, которые устраивались под балками и стропилами бывшего амбара. Если уж на то пошло, ее пожилая подруга находилась в центре всего этого представления. Сидя в своем удобном кресле, Рэни Сильвер то и дело бросала реплики, внимательно следя за происходящим в ее уютном, жарко натопленном королевстве. Иногда вопросительно приподнятых бровей хватало, чтобы добиться своего. На Мэтти поведение Рэни производило неизгладимое впечатление. Она еще больше стала ценить пожилую леди.

³³ Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище «Король Голливуда».

Глава 8

Элла Фицджеральд

«Мисс Отис сожалеет» («Она не может отобедать сегодня») Исполнение 1956 года

– Нет, Джек. Сначала оберточная бумага, затем стикеры с логотипом «Белл Бибоп», и только потом надо засунуть карточку в один из загибов сверху...

Мэтти потянулась через ворох винтажных предметов, чтобы спасти от неумелых рук двоюродного брата плохо завернутую вещь. После того как через «и-Бей» ей в больших количествах начали приходить заказы из-за границы, Матильда была рада любой помощи. Ей повезло, что у Джека появился перерыв между правками текста, которыми он занимался по найму. К сожалению, доморощенный эксперт оказался на самом деле новичком в области упаковки.

Сидя на полу магазина в окружении светло-зеленой оберточной бумаги и воздушно-пузырчатой пленки, ее двоюродный брат устало застонал.

– Три месяца общения с Рэни Сильвер превратили тебя в диву. В следующий раз ты, чего доброго, потребуешь прикрепить к двери своего магазина звезду.

Мэтти бросила в Джека катушку ленты для обвязки бандеролей, но на самом деле совсем не обиделась на него. Поездки к новой подруге в Боувел постепенно стали вершиной и счастливым завершением рабочей недели. В других отношениях жизнь ее обрела размеренность. К ней перебрались Джоанна и ее дети. Дом теперь наполняли смех и радость, свет и тепло. Отныне он представлял собой обитель радости, а не поле боя. Медленно, но уверенно Мэтти возрождала свои отношения с мамой, что было для нее очень важно. В общем, она сейчас чувствовала себя куда счастливее, чем в последнее время. Казалось, лодке ее жизни сопутствовал ветер.

– Не исключено, что я так и поступлю, – ответила она кузену. – У Рэни, знаешь ли, на двери ванной комнаты висит звезда.

– Ты шутишь?

– Нет. Самая настоящая позолоченная звезда, которая переливается на свету. Рэни говорит, что стащила ее из гримерки, когда выступала в Лос-Анджелесе. А еще у нее есть зеркало с лампочками, вделанными в раму, ну, знаешь, как в старых фильмах. Мне кажется, это стильно.

Джек оставил попытки найти конец ленты на катушке.

– Мне нравится, когда ты говоришь о Рэни. Ты вся при этом преображаешься. У тебя такой вид, словно ты влюблена.

Замечание было странным, но, поразмыслив, Мэтти решила, что Джек в определенном смысле прав. Она и впрямь влюбилась в жизнерадостность пожилой женщины и те яркие картины блистательных пятидесятых, которые хранила ее память. Отношения с Рэни не только протянули ниточку к дедушке Джо, но и пригласили Мэтти в яркий, полный надежд мир.

Получаемое от пожилой леди вдохновение Матильда старалась реализовать в магазине. Прошлую неделю она занималась тем, что создавала новую экспозицию, используя в качестве материала вещи из 1956 года: концертные программки из Лондона, Бирмингема и Глазго, виниловые пластинки с записями Билла Хейли и его «Комет», «Ткачей мечты», Пэта Буна и Фрэнки Лэйна, привлекательного вида радиоприемник на транзисторах «Талис-

ман» с корпусом из темно-бордового бакелита от «Теслы», настоящий плакат того времени, рекламирующий фильм «Высшее общество», полусвободного покроя «имперское» пальто из Нью-Йорка от «Монте-Сано и Пруцана» и многое другое. Дедушка Джо называл 1956-й «мой холостяцкий год в Лондоне». Слишком он об этом времени не распространялся, но с юных лет в сознании Мэтти возник очень интригующий образ этого времени. Женщину подмывало начать читать дневники с этого года, но потом она все же решила придерживаться хронологического порядка, так как боялась упустить что-то важное и не понять, кем же был настоящий Джо Белл. Она и так успела узнать о нем достаточно много. На проверку дедушка оказался не таким уж осторожным и правильным, как ей прежде казалось. В детстве и юности Джо был мечтателем, а иногда бунтовал.

18 сентября 1951 года

Жнива свалились нам на голову. Работа просто каторжная. В этом году все дается мне еще труднее, чем когда-либо прежде, а вот отец чувствует себя как рыба в воде. Глаза его сверкают, лицо покраснелось. Я заметил, как мама восхищенно поглядывает на него, когда он трудится. Создается впечатление, что только сейчас она видит перед собой мужчину, за которого вышла замуж. Отец смеется и шутит с батраками, крайне любезен с лабазниками, а во время споров в пабе «Полумесяц и сова» никогда не пасет задних.

Мне никогда не стать таким, как он.

Я терпеть не могу рано вставать и горбатиться с рассвета и до заката. С каждым следующим днем мне все труднее поднимать свое тело с постели. Я чувствую себя стариком, хотя мне еще нет и 16 лет. Как я смогу выдержать лет пятьдесят вот такой жизни?

Я не фермер. Я никогда им не стану. Я хочу большего. Я хочу попасть в Лондон.

Мечта, родившаяся, когда мне было девять лет, до сих пор жива. С числами и подсчетами я веду себя куда сноровистее, чем когда дело доходит до косьбы и сеялки. Дядя Чарльз работает бухгалтером в Лондоне. Папа часто пренебрежительно отзывается о том, чем занимается его младший брат. Он считает, что мой дядя предал семейную традицию, когда предпочел бухгалтерию фермерству. Он не догадывается, что я больше похож на дядю Чарльза, чем на него самого.

Мне очень хочется рассказать отцу правду, но я боюсь, что это разобьет ему сердце.

На следующий день, работая в своем магазинчике, Мэтти размышляла над записью в дневнике, которую она прочла прошлым вечером. Все, что она знала о дедушке, свидетельствовало о том, что он родился с деревней в крови. Джозеф Джордж Белл-старший относился к пятому поколению семьи, владеющей фермой Уайт-Тюдор. Наследство перешло к нему в шестнадцатилетнем возрасте, когда во время жатвы в возрасте сорока девяти лет умер его отец. В дневниках дедушка Джо даже не пытался скрыть страх перед своим отцом. Не это ли он собирался донести своей внучке через свои дневники?

Мэтти оторвала взгляд от пожелтевших от времени страниц. Ее охватило раздражение. Если он знал, что бывает, когда очень чего-нибудь хочешь, зачем он заставлял ее делать выбор?

— Значит, здесь вы прячетесь весь день?

Ее приветствовала идеальная улыбка покрашенных красной помадой губ Рэни Сильвер, стоящей на пороге магазинчика. Медный колокольчик радостно зазвенел над дверью.

Мэтти сунула дневник за 1951 год под стопку счетов-фактур.

— Как я рада вас видеть! Что вас сюда привело?

— У меня выдалось свободное утро, и я решила собственными глазами увидеть ваш магазин. — Рэни окинула своим ясным взглядом интерьер. — Ух ты! Призраки из прошлого!

Мне немного не по себе, оттого что чувствую себя такой же *винтажной*. Не хотите ли усадить меня где-нибудь в уголке с ценником на шее?

Мэтти улыбнулась.

– Никто не сможет позволить себе вас.

– Мило, Мэтти Белл, весьма мило. Продолжайте в том же духе, и мы станем лучшими подругами. Как насчет ознакомительной экскурсии?

– Конечно. – Мэтти вышла из-за прилавка от «сандерберда» и протянула Рэни руку. – Идите сюда.

Ведя подругу мимо аккуратно задрапированных экспозиций, Мэтти не удержалась и украдкой посмотрела на нее, желая узнать, какой же будет ее реакция. На губах Рэни играла странная улыбка. В глазах ее таилась легкая ностальгия, намекающая на то, что за этими вещами старушка видит целый мир.

Наконец они дошли до экспозиции 1956 года. Рэни остановилась, словно кто-то уперся ей рукой в грудь.

– 1956 год. В том году все переменялось... – Она издала смешок, хотя глаза у нее оставались серьезными. – Т-ю-ю на меня! Я сейчас выражаюсь словно ведущая в документальной передаче на Пятом канале.

Пожилая женщина покачала головой. Сиреневатые волосы чуть дрогнули.

– Этот год сделал и едва не сломал меня. В 1956 году я совершила величайший прыжок вверх, но при этом допустила самую большую за всю жизнь ошибку.

– Seriously?

– В том году я покинула ансамбль и начала собственную сольную карьеру. Мисс Рэни Сильвер отправилась завоевывать мир. Мама любила повторять: когда гуляешь в облаках, смотри вниз, а не то провалишься в прореху. Она была права. 1956 год стал годом, когда я получила все, о чем только могла мечтать, но цена оказалась больше, чем я могла заплатить. Век живи – век учись.

– Она сказала, какую ошибку совершила?

Джоанна слушала со все нарастающим вниманием рассказ Мэтти о неожиданном появлении в магазинчике Рэни. В тот вечер они сидели за обеденным столом.

– Думаю, она жалеет о распаде «Серебряной пятерки». Это нормально – жалеть о разрыве.

– Как у тебя с Ашером?

Мэтти бросила пристальный взгляд на сестру.

– Нет. Я совсем не жалею. Я просто предпочла бы никогда его не знать.

– Никаких задних мыслей? Даже сейчас, когда пыль улеглась?

– Вообще никаких. Я потеряла от знакомства с Ашером Дженкинсом куда больше, чем нашла.

Мэтти постаралась не обращать внимания на душевную боль, уколом напомнившую о себе, и выглянула через распахнутую застекленную дверь на задний дворик. Там играли хихикающие Итан и Ава, перетягивая друг друга.

– Впрочем, я выясню, о чем жалеет Рэни. Быть может, она скажет мне уже сегодня.

– Двойная порция шоколадок с фиалковым кремом воскресным утром? – озорно улыбаясь, произнесла Джоанна.

– Пожалуй, одними шоколадками не обойтись...

В голове Мэтти вертелся хоровод самых разных мыслей. Если 1956 год изменил жизнь не только Рэни, но и дедушки Джо, простым совпадением это быть никак не может. Мэтти должна разрешить обе эти загадки... А что потом? Освобождение? Избавление? Что бы там

ни последовало за этим, Мэтти испытывала сильнейшее желание узнать правду, скрывающуюся за приманкой, которую Рэни бросила ей в магазинчике «Белл Бибоп».

7 января 1955 года

Мой секрет больше не секрет.

Я никогда не видел отца таким расстроенным. Я испугался, что разбил ему сердце, но, когда вечером папа принялся строить планы на будущее, говоря, что со временем он уйдет на покой и ферма достанется мне, я не смог сдержаться. Он сказал, что знает, что для меня лучше, а я возразил, сказав, что он ошибается.

Мама ни словом не обмолвилась со времени моего признания. Она вязала, сидя в кресле у очага. При этом она хмуро на меня уставилась, но я уверен, что сделал все правильно.

Я повторю: Я СДЕЛАЛ ВСЕ ПРАВИЛЬНО. Я умру, если здесь останусь. За пределами фермы простирается целый мир, и Джо Беллу судьбой предназначено его исследовать. Я не фермер. Я не люблю землю, а у папы эта любовь – в крови. Я всеми силами пытался никого не расстраивать, но мне уже почти двадцать. Если я не освобожусь сейчас, я останусь здесь гнить заживо.

Я боюсь. Сегодня вечером никакого решения принято не было. Понятия не имею, что думает отец. Я буду помалкивать, пока он снова не заговорит на эту тему...

8 февраля 1955 года

Месяц! Прошел целый месяц с тех пор, как я сказал отцу, что не хочу работать на ферме, но до сих пор ничего! Каждый день я жду, что разговор состоится сегодня, но создается впечатление, что он словно позабыл обо всем.

Сегодня я спросил маму. Она не ответила. Мама считает меня эгоистом. Возможно, так оно и есть. Что, если, утратив их уважение, я все равно останусь здесь? Я не могу жить, не ведая, какова будет моя судьба.

Я не мог ни о чем другом думать с той ночи. Если уж в родительском благословении мне отказано, я должен взять свою судьбу в свои руки. Я уеду. Другого выхода все равно нет. Это разбивает мне сердце, но у меня просто нет выбора.

Я собрал все необходимое и прихватил свои небольшие сбережения. Теперь я готов отправиться в путь. Если сегодня будет полная луна, я покину ферму навсегда.

9 февраля 1955 года

Мой план провалился.

Амос Миллер увидел, как я около полуночи бреду по его земле, и сказал, чтобы я возвращался домой. Он сказал, что мой отец заслужил куда большего, чем полуночный побег. Почему я избрал эту тропинку, срезал путь, если можно было идти напрямик по дороге, прячась от соседей за живой изгородью?

Я вернулся обратно в свою комнату. Выражения на лице матери, когда она узнала, что я собирался сделать, хватило, чтобы я решил остаться. Пока отец не заговорит со мной об этом, я буду чувствовать себя как в западне. Не знаю, когда он решит, что пришло время...

Мэтти все еще раздумывала над записями в дедушкином дневнике, когда днем везла Рэни в красивый городок Бевдли, раскинувшийся на берегу реки. Читать о планах дедушки и о его отчаянии, вызванном неудачей, было все равно что читать слова незнакомцев.

Я вот такой...

Что? Зачем в таком случае он заставил ее выбирать между собой и Ашером?

Отогнав прочь непрошеную мысль, Мэтти улыбнулась Рэни. Они нашли скамью у тропинки, тянувшейся по берегу реки Северн. Рэни молчала. Мэтти вспомнились приятные часы молчания, когда она и дедушка Джо жаркими летними днями сидели рядышком на Голдсфордском холме, возвышавшемся над деревней. Мэтти ощутила успокоение, словно дедушка был рядом. Именно эти воспоминания надо беречь и лелеять, а не то, чем все окончилось.

— Можно у вас кое-что спросить? — произнесла Мэтти, когда прошло достаточно времени.

— Конечно.

— Вы сказали в магазине, что в 1956 году совершили нечто, о чем очень сожалеете. Что случилось?

Рэни откинула камешек концом своей трости.

— Дело в моем ансамбле... в «Серебряной пятерке». Группа распалась, и в этом моя вина.

Мэтти повернулась к ней, обдумывая услышанное. Во время долгих бесед дедушка Джо всегда подчеркивал, что его любимая «Серебряная пятерка» развалилась под давлением превратностей шоу-бизнеса. Он никогда не винил никого, кроме индустрии развлечений, которая с пугающей скоростью создает ярких молоденьких старлетов, выжимает их досуха, а потом, когда мода проходит, выбрасывает их за ненадобностью. Что бы он сказал на это заявление Рэни?

— В чем же была ваша вина?

Рэни тяжело вздохнула и, играя с золотыми подвесками на браслете, пустилась в объяснения:

— Наш величайший успех, которого все мы долго ждали... Я все испортила, я, у которой честолюбия было больше, чем у всех остальных. Суббота, 29 сентября 1956 года. «Пальмовая роща» в Сохо. Несмотря на все честолюбивые амбиции нашего импресарио, мы даже не мечтали очутиться там в ближайшие четыре года. То было место, название которого не сходило с газетных заголовков. Люстры, хрусталь и позолота повсюду, танцпол, который сверкает, словно стеклянный. Богатый интерьер, как будто сошедший с одной из картин Фреда и Джинджера³⁴. А еще милый Джейкоб Кендрик, владелец... Он был симпатичным мужчиной. В «Пальмовой роще» выступали *crème de la crème*³⁵: Синатра, оркестр Теда Хита (он был британским ответом на Гленна Миллера³⁶, знаете ли), Элла Фицджеральд и Вера Линн³⁷. Не то место, куда пускают разношерстный ансамбль подростков, худющих, но с сияющими надеждой лицами. Однако нам повезло: на нашем концерте в Хакни побывал лазутчик из клуба и пригласил нас. Немного найдется такого, о чем я по-настоящему сожалею, но, вспоминая о прожитой жизни, я всегда мысленно возвращаюсь к этому случаю. Мы больше никогда не разговаривали. Кое-кто пытался, но нам это было нужно как прошлогодний снег... Итак, все кончилось в ту самую ночь, когда мы пережили наш самый большой триумф. Даже удивительно, что можно на протяжении четырех лет жить и выступать душа в душу, а потом за одну ночь превратиться в пятерых незнакомцев. Говорят, что это жестокий бизнес. Стоит

³⁴ Фред Астер (1899–1987) и Джинджер Роджерс (1911–1995) – пара американских актеров, танцоров и певцов, совместно снявшихся во множестве фильмов.

³⁵ Сливки из сливок (*фр.*).

³⁶ Гленн Миллер (1904–1944) – американский тромбонист, аранжировщик, руководитель одного из лучших свинговых оркестров.

³⁷ Вера Линн (род. 1917) – британская певица, имевшая огромную популярность в годы Второй мировой войны.

тебе слишком высоко поднять голову, всегда получаешь по шее. Со мной такое несколько раз случалось.

– Что тогда произошло?

– С тех пор много воды утекло, дорогуша, смысла нет вспоминать...

– Но вы говорили, что это была ваша вина...

– И никто из ансамбля даже слова в защиту меня не скажет, но, Мэтти, с тех пор минуло уже *шестьдесят* лет! Некоторые обиды и сожаления намертво въедаются в тебя, добираясь до самого позвоночника. Ты не можешь исправить такие грандиозные ошибки. Остается только смириться.

– У вас все в порядке, Мэтти?

Вопрос Перси вырвал женщину из размышлений.

– Извините, Перси. Я даже не заметила, как вы вошли.

– Где бы вы ни витали сейчас мыслями, место, видать, красивое, – улыбнувшись, произнес покупатель.

– Она всю неделю такая, – сказала Лори, выходя из складского помещения, – мыслями с феями... Или, лучше сказать, с *Рэни*.

Мэтти пропустила мимо ушей замечание продавщицы. Что из того, что она только о том и думает с тех пор, как вернулась из Боувела? Было приятно думать о чем-то другом помимо дедушки Джо и Ашера. Это была тайна, которая зацепила Мэтти за живое.

– Рэни?

– Она тут неуважительно отзывается о моей новой подруге. Не поощряйте ее.

– А-а-а, понятно. – Перси перегнулся через прилавок и подмигнул: – Ревнует, наверное.

– Я это слышала! – воскликнула Лори и быстрым шагом подошла к ним. – А еще, Перси Уокер, было бы странно, если бы я ревновала к надоедливой пенсионерке.

– Рэни совсем не похожа на обычную пенсионерку, – возразила Мэтти. – Она знаменитость, вернее, была знаменита. Вы помните «Серебряную пятерку»?

Улыбка Перси была теплой, полной ностальгии.

– Конечно, помню... Помню, как покупал маме их пластинку... Что там? Ага. *«Ты любишь меня, и день впереди, лишившись тоски, улыбнулся...»*

Смеясь, он обнял удивленную Лори за талию и пустился вальсировать с ней по магазину, напевая самый знаменитый хит Рэни.

– О нет! Отпустите меня, Перси! – запротестовала раскрасневшаяся Лори, стараясь при этом не казаться ужасно довольной происходящим.

Мэтти, наблюдая за парой, танцующей на дубовых досках пола, вспоминала себя девочкой девяти или десяти лет. Дедушка Джо вертел ее вокруг себя по выложенному каменными плитами полу на кухне фермерского дома. Знакомый голос дедушки отскакивал от стен, согревая своим эхом все вокруг. Те времена, о которых Мэтти часто вспоминала, были самыми счастливыми в ее жизни. Как ей хотелось вновь испытать это чувство полной безопасности и свободы!

«Рэни следует это увидеть, – подумала она, – увидеть, что ее музыка до сих пор значит для многих людей...»

Вот именно!

Если Рэни поймет, как ее любили и как сильно люди скучают по «Серебряной пятерке», она, возможно, передумает и на этот раз сделает все правильно. Старушка говорила, что один из участников ансамбля, Томми Малинс, до сих пор поддерживает связь со всеми бывшими товарищами. Он знает, где каждый из них теперь живет, даже устраивает ежегодные встречи, на которых сама Рэни ни разу не бывала. Удивительным казалось то, что все они до сих пор

живы. А ведь со времени той судьбоносной ночи в «Пальмовой роще» минуло шестьдесят лет!

Мэтти едва не вскрикнула, когда эта мысль впервые озарила ее сознание. Шестьдесят лет – годовщина. Каким еще образом можно достойно отметить эту дату и то значение, которое «Серебряная пятерка» имела в жизни столь многих людей, если не попытаться собрать их всех вместе в этом году?

Вот только реально ли устроить встречу пятерых членов ансамбля? Мэтти очень сомневалась, что они живут поблизости друг от друга. Рэни, например, твердо решила, что ее бывшие товарищи никогда не узнают, что она живет в доме престарелых, пусть даже это престижный Боувел. Сможет ли Мэтти, несмотря на все трудности, добиться сентиментального воссоединения? Не зная, что же конкретно привело к разрыву в далеком 1956 году, будет очень трудно добиться этого. Если Рэни игнорировала их на протяжении стольких лет, с какой стати этим людям, за исключением, пожалуй, Томми Малинса, захочет совершить дальнюю поездку к ней?

Желание Мэтти узнать, что же сделала Рэни в ночь их последнего совместного появления на сцене, было сильнее, чем когда-либо прежде. Между тем она понимала, что если Рэни совершила нечто такое, что и впрямь простить нельзя, то все ее начинания ни к чему не приведут. *Надо* переубедить Рэни, пусть расскажет.

– Если бы еще оставались настоящие клубы, как в пятидесятых, – вздохнул Перси, возвращая раскрасневшуюся Лори к прилавку. – Вам бы понравилось, девушки! Весь этот свет, оркестры из живых людей и великолепный интерьер. Однажды я побывал в Сохо. Клубы оказались просто невероятно шикарными.

Мэтти припомнила слова Рэни о лучших ночных клубах. Жаль, что она не сможет увидеть их воочию. Любовь к старым вещам часто заставляла Матильду задумываться о том, что она, наверное, родилась не в то время. Все, что она слышала и читала об оптимизме, царившем в пятидесятых, очаровывало ее.

– Перси! Вы когда-нибудь бывали в «Пальмовой роще»?

– К сожалению, нет, но некоторые из моих приятелей, которые жили тогда в Лондоне, частенько туда заходили. А в чем дело?

– Ни в чем. Просто мне интересно, что случилось с клубом?

Перси протер лоб носовым платком.

– Большинство знаменитых клубов были закрыты в семидесятых и восьмидесятых. Скорее всего, «Пальмовую рощу» пустили под бульдозер. А что еще могло случиться с таким зданием в самом центре Лондона? Могу представить, какую бучу устроили по этому поводу застройщики. Впрочем, вы можете проверить информацию через Интернет. В Сети есть несколько архивных сайтов, посвященных клубам Сохо.

Мэтти не колебалась. Пока Перси и Лори обсуждали его любимую музыку из пятидесятых, Матильда схватила лэптоп и уединилась в складском помещении позади магазина. Возникшая в ее голове идея укрепилась, пока женщина набирала в поисковике данные о бывшем ночном клубе. Сохранилась ли «Пальмовая роща» в Сохо, несмотря на минувшие годы?

Просмотрев первую страницу, Мэтти ничего интересного не обнаружила, кроме ссылок на несколько веб-сайтов, посвященных истории музыки пятидесятых. Когда же она кликнула на следующей странице, то третья сверху ссылка заставила ее замереть. Сердце учащенно забило в груди. Мэтти перешла по ссылке, и небольшое подсобное помещение внезапно словно наполнилось светом, цветом и звуками.

Здание никто не разрушил, но в нем теперь находилась не «Пальмовая роща», а комедийный клуб. На веб-сайте были выставлены две фотографии интерьера: одна была сделана в 1952 году, вторая – в 2015-м. Хотя убранство клуба выглядело совершенно иначе, Мэтти

пришла к выводу, что тут ничего не подверглось перестройке. Вот оно! Идеальное место для воссоединения, клуб, где все пошло не так, место, где можно будет исправить прошлое...

Но смогут ли они собраться в клубе, не говоря уже о том, чтобы выйти на сцену? Согласится ли Рэни вернуться туда, где она совершила самую большую ошибку в своей жизни? А как насчет других? Захотят ли они вспоминать, как их ансамблю пришел конец? Мэтти подумала о доме, который она купила вместе с Ашером. Теперь его вновь выставили на продажу и он ждет очередного непрактичного покупателя. Она не могла заставить себя даже проехать по улице, на которой стоял дом. И тем более не смогла бы согласиться снова войти в ванную комнату, где рассыпалась ее прежняя жизнь. Что, если бывшие друзья Рэни чувствуют то же самое?

Вероятно, ей следует подумать о чем-то другом. Вряд ли удастся загладить шестидесятилетние разногласия пиар-ходом и попытками выдать желаемое за действительное.

Пока рука Мэтти прокручивала историю «Пальмовой рощи», в голове у нее продолжалась борьба. Загасить искорку восторга не удавалось. Она *все еще* теплилась. Быть может, она все узнает сегодня. Это судьба, как и ее знакомство с Рэни Сильвер в День памяти в Боувеле. После истории с Ашером Мэтти отказалась от незыблемой веры в то, что все на этом свете происходит не просто так. Теперь же Матильда решила, что станет счастливее, если вновь обретет эту веру.

Обнаружение бывшей «Пальмовой рощи» наверняка являлось знаком свыше, а значит, ей нужно действовать. Это шанс последовать зову собственного сердца. Рэни говорила, что она сожалеет о том, что случилось в «Пальмовой роще», поскольку это привело к внезапному трагическому концу «Серебряной пятерки». За те месяцы, что Мэтти навещала Рэни, старушка впервые призналась, что она о чем-то жалеет. И это должно что-нибудь да значить... Или не должно? А может, ей, Мэтти, просто надо заняться чем-то важным... Может, Рэни Сильвер на пороге смерти нуждается в том, чтобы обрести покой. Может, все эти годы она ждала кого-нибудь вроде Мэтти Белл, которая сможет все устроить.

Глава 9

Оркестр «Семерка» и Джон Барри³⁸

«Ударь и промахнись»

– Рэни вскоре выйдет, – улыбнувшись, произнесла молоденькая медсестра, когда Мэтти присела в комнате отдыха.

Она была, пожалуй, самой молоденькой в штате Боувела, но это не помешало девушке наладить отличные отношения со стариками. Рэни прозвала ее Болтливой Чарлиной, что для медсестры было наивысшей похвалой. *Всегда светится, помнит, кто о чем говорит, и любит потрепать языком...*

– Вы куда-нибудь едете?

– Заскочим в Бриджнорт, – ответила Мэтти, раскрывая первую стадию своего плана. – Рэни рассказала мне о чайной, которая ей нравится. Я решила порадовать ее.

– Как мило! Знаете, со времени вашего появления она заметно повеселела, – призналась Чарлина, чуть наклоняя голову, чтобы другие постояльцы дома престарелых случайно не подслушали ее. – Я прежде волновалась за нее из-за операции на бедре и всего остального...

– Эй, мисси! У меня уже уши горят от смущения! – воскликнула Рэни и хихикнула, увидев, как встрепенулась медсестра. – Расслабьтесь, милочка, я только рада, что вы обо мне говорили. Таковы издержки моей профессии. Время тревожиться, когда люди перестают о тебе сплетничать.

– Я сейчас вас покину, – покраснев, произнесла Чарлина. – Счастливого дня подальше отсюда!

– Подальше? – садясь в кресло, переспросила Рэни. – Ты меня куда-то везешь, Мэтти Белл?

– На пару часов, если вы не против.

– Я – против? Времени предостаточно, чтобы немного пошалить и выпить чашечку доброго чая. Поехали?

Бриджнорт грелся в лучах солнечного света. Сопровождая Рэни по главной улице в центр городка, Мэтти поздравила себя с тем, что выбрала этот день. Более подходящую обстановку для предложения, которое она собиралась сделать Рэни, трудно было представить. Город выглядел замечательно. Его украсили красными, белыми и голубыми баннерами в ознаменование ежегодного летнего фестиваля «Британия в цветах». Раскачивались, подвешенные к каждому фонарному столбу, корзинки с великолепными цветами. В воздухе стоял гомон от многочисленных гостей, как местных, так и иностранных, приехавших в красивый ярмарочный городок, который славился глубокой рекой, романтическими замковыми стенами и старинными паровозами.

– Мне здесь нравится, – сказала Мэтти, когда они прогуливались по городу.

В ее голове, затмевая собой впечатления сегодняшнего дня, роились призраки тысяч воспоминаний о похожих прогулках вместе с дедушкой Джо, ее родителями, Джоанной и Джеком.

³⁸ Джон Барри (1933–2011) – известный английский композитор, автор музыки к фильмам. Наиболее известен авторством музыки к 11 фильмам о Джеймсе Бонде.

– Прекрасный городок. Впервые приехав сюда из Боувела, я потом часто заезжала в Бриджнорт выпить чашечку кофе и погулять по этой улочке. Она меня очаровала.

– Понимаю почему.

Мэтти остановилась перед красиво украшенной витриной магазинчика. За стеклом виднелись старинные на вид вещи и мебель, покрытая меловой краской. Свежесрезанные цветы, а также розы в горшках у входной двери и снаружи магазинчика добавляли праздничности.

– Заходим?

В задней части магазинчика галантерейных товаров располагалось небольшое кафе, украшенное страницами старых журналов комиксов. Мэтти увидела, как подруга широко улыбается, осматриваясь по сторонам. Когда они нашли свободный столик, Мэтти отметила про себя, что расположение было *идеальным*.

Она подождала, пока принесли заказанный ими дневной чай, и заставила себя выпить чашечку, прежде чем перейти к делу. Ей очень трудно было сдерживать свое волнение. Всю ночь Мэтти думала о том, какая чудесная мысль пришла ей в голову, и убеждала себя, что эта встреча поможет Рэни смириться с прошлым. Было чудесно провести ночь в радостном волнении, а не мучиться постоянными сожалениями.

– Помнишь, что ты рассказывала мне о «Пальмовой роще» на прошлой неделе?

Глаза Рэни сузились над ободком расписанной фиалками чайной чашки.

– Вот, значит, в чем дело.

– Что?

– Ты все утро сегодня подобна сжатой пружине. Я давно не видела человека в таком напряжении... В последний раз это был мой будущий третий муж, когда он сделал мне предложение. Ты же не собираешься делать мне предложение?

– Ха-ха... Ничего подобного, хотя...

– Я жду, девушка.

– Ладно. – Мэтти перевела дух, прекрасно понимая, что от этого зависит сейчас куда больше, чем она прежде подозревала. – Я помню, как ты сказала, что не можешь допустить, чтобы другие члены «Серебряной пятерки» приехали к тебе в Боувел...

– И речи быть не может.

– Что, если вы встретитесь в «Пальмовой роще»?

Рэни поперхнулась чаем.

– Брось, Мэтти! Клуб закрыли много лет назад.

– А если я скажу, что он до сих пор существует?

– Нет. Наверняка его давным-давно снесли, а на том месте выстроили один из этих люксовых жилых комплексов, каждая квартира в которых стоит не менее миллиона фунтов. Все великие клубы Сохо постигла такая участь.

– «Пальмовая роща» сохранилась.

– Я же сказала тебе, что клуб давно закрыли.

– Ночной клуб действительно закрыли. Но здание сохранилось, и теперь в нем работает комедийный клуб. Может, догадаешься, кто его владелец?

– Ричард Брэнсон? Тот самодовольный парень с рекламы на Изи-Джет? Не знаю.

– Заведение называется «Кендрик-клубом».

Фамилия повисла в пастельного оттенка воздухе между двумя женщинами. Рэни глубоко вдохнула. Ее словно била легкая дрожь. Когда она заговорила, казалось, что ветер больше не надует ее паруса.

– «Кендрик-клуб»?

Мэтти нервно кивнула.

– Клуб принадлежит внукам Джейкоба Кендрика.

– У него были *мальчики*? Он наверняка был доволен...

– Послушай, я знаю, что ты не хочешь, чтобы другие видели тебя в доме престарелых. А если не в доме престарелых? Что, если ты соберешь их в «Пальмовой роще» и исправишь все, что можно, в том месте, где все когда-то разладилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.